

12+

ПО СЛЕДАМ КНЯЗЕЙ
ЮСУПОВЫХ

Шпаковский
Валерий
Николаевич

Валерий Шпаковский
По следам Князей Юсуповых

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шпаковский В. Н.

По следам Князей Юсуповых / В. Н. Шпаковский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга – как историческое исследование, роман - посвящена истории развития и угасания одного из самых знаменитых и загадочных родов Российской Империи – князей Юсуповых. Несмотря на уже известные ранее опубликованные издания об этой семье, автор раскрывает историю формирования и функционирования семейных ценностей, богатых коллекций членов княжеской семьи, показав ее на фоне исторической и художественной жизни России и Европы XVIII – XX веков. Особое внимание автор уделил посещению почти всех дворцов, домов, поместий и мест проживания княжеской семьи в России и за рубежом до и после революции 1917 года, описал историю их строительства, собрал богатый иллюстрированный материал. Книга предназначена для специалистов-гуманитариев, научных сотрудников музеев, историков-юсуповедов, а также для широкого круга читателей любителей истории и культуры России.

© Шпаковский В. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1. Введение	7
2. Москва	8
Большой Харитоньевский переулок № 13–21	8
Хан Юсуф-Мурза (1480-е-1556)	12
Хан Абдул-Мурза. Дмитрий Сеюшевич Юсупово-Княжево (ум. в 1694)	17
Григорий Дмириевич Юсупов (1676–1730)	24
Усадьба Спасово–Котово. Июль 2011	35
Борис Григорьевич Юсупов (1695–1759)	39
Великолепное Архангельское	46
Николай Борисович Юсупов (1750–1831)	53
100-летний юбилей Архангельского	79
Театр Наполеона. Большая Никитская 26	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Валерий Шпаковский

По следам Князей Юсуповых

Посвящается Эмме

«Бог, да приумножит!»

Девиз рода князей Юсуповых.

*«Прошлое нужно знать не потому, что оно прошло, а потому,
что, уходя, не умело убрать свои последствия...»*

В. Ключевский

1. Введение

И ныне многое остается непознанным в истории России, в жизни выдающихся русских людей. Среди всего прочего – история семьи Юсуповых, хочется верить, что когда – ни будь все тайны этого величайшего рода, над которым на протяжении многих лет тяготело **страшное проклятие**, приведшее к множеству трагических событий, удастся приоткрыть хотя бы слегка...

Кто-то скажет, что уже столько много о них написано. А о чем мы будем изучать и писать? Может не надо больше про убийство во дворце на Мойке, ведь уже столько много про Распутина известно? А, мы не об этом мистическом старце, а о знаменитом роде, служившем верой и правдой Государству Российскому! **О увлекательных путешествиях по их следам** и изучения архивных материалов для воспитания нового русского молодого поколения, чтобы знали наши исторические корни и вековые традиции!!!

Идея написания сего труда, если можно его так назвать, возникла случайно и не благодаря фразе из знаменитого стихотворения великого русского поэта «Мой Юсупов-умер!», а может быть во многом благодаря увлечению к истории Российской империи. Так получилось, что по служебным обстоятельствам, переехав на постоянное место жительства из города Курска в столицу нашей Родины Москву в начале 2000-х, я поселился в старом доме в Басманном переулке, рядом с Храмом Петра и Павла (проект, которого рисовал когда-то сам Петр Великий). Это недалеко от пересечения улицы Новой Басманной с Садовым кольцом возле старого здания бывшего Запасного дворца Кремля, а ныне центрального офиса компании всероссийской «ОАО РЖД». И, как в последствии оказалось совсем недалеко от полукруглых «Ушей» – здания метро «Красные ворота» по внутреннему кольцу Садового – если пройти мимо очень красивого старого особняка-ныне Института глазных болезней им. Гельмгольца, а оттуда совсем рукой подать до Большого Харитоньевского переуллка, где в силу своей любознательности и желания быстрее изучить ближайшие окрестности я и набрел на знаменитый Юсуповский дворец.

Долгое время я не мог попасть в него, экскурсии не проводились, а проводились бесконечные реконструкции строительной компанией «БАМО», и я бродил кругами вокруг старинной ажурной решетки ограждения дворца, любуясь издали остатками парка и старорусской архитектурой с красной шахматной крышей. Затем московскую общественность «потрясли» слухи о том, что дворец грабят и вот уже вывезли ценнейший старинный паркет, поэтому компания во избежание дальнейших сплетен и возможных репрессий со стороны московского правительства и любителей старины, решила начать проводить экскурсии по редким дням и банкеты по праздникам внутри дворца. Наконец-то я попал внутрь, посетил дворец раз десять в составе различных экскурсий и... заболел историей рода Юсуповых! А дальше пошло-поехало...

«Любовь к Отчизне живет в сердцах изгнанников...

И, хоть не суждено им не вернуться на Родину никогда,

Душа их останется в России навечно.»

Князь Ф. Ф. Юсупов

2. Москва

Большой Харитоньевский переулок № 13–21

*«В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке
Четвертый год больной в чахотке
Они приехали...»*

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Итак, как я упомянул выше, поселившись в районе Новой Басманной улицы начал изучение ближайших окрестностей первопрестольной конечно с нее. Вооружившись книгой Сергея Романюка «По землям московских сел и слобод» по выходным дням, я бродил по Басманным переулкам и одноименным улицам, иногда с удивлением наблюдая, что я не один такой с книжкой в руках хожу в любую погоду по городу, а были и другие любознательные люди, изучающие старину Москвы с путеводителями и справочниками, причем они не были вездесущими китайскими туристами. Иногда мы случайно сталкивались и признавая друг в друге единомышленников коротко общались, выясняя детали и адреса с историческими справками.

Изучал я всю Новую Басманную улицу от петровской церкви Петра и Павла с Богадельней и дворцом князя Куракина с сохранившемся геральдическим гербом в тимпане здания в ее начале, далее мимо невидного здания слева, но с громкой историей под номером 13, бывшего некогда знаменитого дворца Н. П. Высоцкого, одного из наследников баснословно богатого князя Г. А. Потемкина-Таврического. Мемуарист С. П. Жихарев писал в своем дневнике 6 января 1805 года: *«Большой бал у Высоцких...Мы ...ездили взглянуть на освещенные окна дома Высоцкого. Вся Басманная до Мясницких ворот запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерам раздавали по калачу и разносили по стакану пенника. Это по-барски. Музыка слышна издалече: экосез и ала-грек так и заставляют подпрыгивать».*

Теперь же от былого великолепия этого дома ничего не осталось, его до сих пор пытаются надстраивать новые владельцы. А вот дом напротив № 14 сохранил свою былую красоту и даже помещен в списки памятников, охраняемых государством, очень интересны его богатые интерьеры – это ценнейший памятник прикладного искусства: комнаты особняка отделаны в мавританском, готическом, барочном стилях десятками видов ценного дерева, естественного камня и мрамора, а перед домом сохранился фонтан, сделанный в Париже – чугунная женская фигура, держащая фонарь. Это знаменитый особняк Н. Д. Стахеева – сибирского чаеоторговца, после революции он в чем-то повторил судьбу Ф. Ф. Юсупова, спрятав в особняке свои ценности он вернулся за ними и был пойман чекистами, искавшими тогда во всех дворцах сокровища буржуазии. Говорят, что на допросе у Ф. Ф. Дзержинского Председателя ВЧК он согласился открыть свои тайники и сдать сокровища в обмен на свободу и эмиграцию. Сейчас в этом здании Клуб детей железнодорожников и его любят снимать в шоу своих передачах телевизионщики различных каналов.

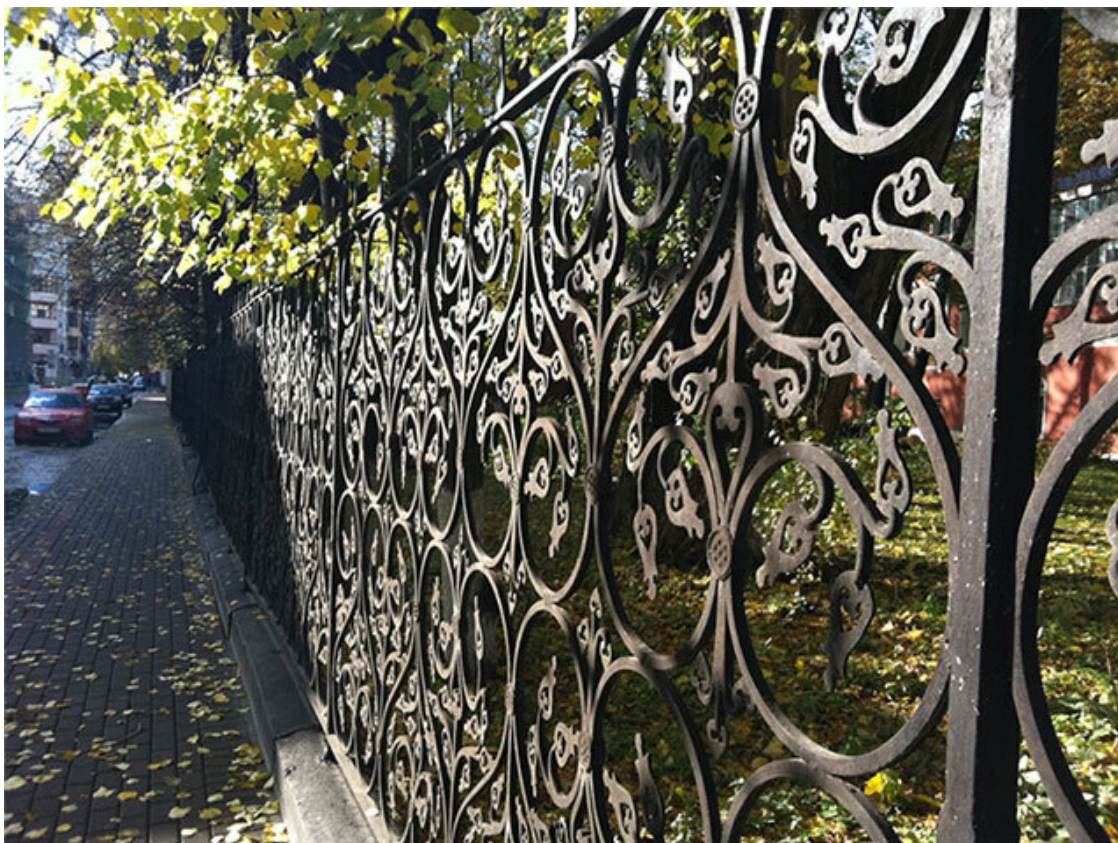
Пройдя вниз по улице мимо сада имени Баумана и дома аптекаря Христана Рихтера, слева мы минуем «Дом Кротковой» № 23 и «Дом Перовской» № 27 – невенчанной жены графа Алексея Разумовского. В доме № 20 был когда-то флигель «Басманного философа» П. Я. Чаадаева, посетить которого считал должным почти каждый сколько-нибудь важный визитер

Москвы середины 19 века. Мимо бывшей полицейской части и военного госпиталя мы наконец дойдем до знаменитого «Рагуляя» – площади на перекрестке Басманных улиц в окружении зданий бывшего райкома КП Бауманского района, банка «Уралсиб», дворца Мусина-Пушкина, деревянного одноэтажного «Дома В. Л. Пушкина» и здания бывшего «Института для благородных девиц имени императора Александра III в память императрицы Екатерины II». Позже в центре площади, где когда-то давно гуляла кабацкая Москва, оттуда и название «Разгуляй» построили памятник Народному ополчению Бауманского района, формировавшемуся на этой площади для обороны Москвы во время Великой Отечественной Войны.

Ну, а далее можно пройти к пушкинской Елоховской церкви, с памятником революционеру Бауману, погибшему здесь недалеко в революцию 1905 года, цыганским рестораном «Разгуляй», и... до петровского Лефортово (Немецкой Слободы), ну это уже совершенно другая история.

А вот однажды я решил перешагнуть Садовое кольцо и углубиться в своих прогулках в сторону центра столицы, изучив историю строительства Запасного дворца ныне здание ОАО «РЖД», подземным переходом перейдя под Садово-Черногрязской улицей, вышел через «Уши» (здание метро «Красные Ворота») наверх, полюбовался сталинской высоткой на противоположной стороне и «мужиком в пиджаке, которого нельзя посадить» – памятник Лермонтову М. Ю., посетовал, что не довелось мне увидеть во всей красе стоявшую здесь некогда знаменитую триумфальную арку Красных ворот и развернувшись углубился в дебри московских переулков.

В первый раз я забрел в Большой Харитоньевский, кажется осенью 2007 года и несмотря на то, что я уже достаточно побродил по старой Москве и многое видел, меня сразу сразила наповал старинная кованая решетка ограды небольшого парка, где когда-то гулял юный Саша Пушкин.

Я стал внимательно изучать ее, старинное литье хорошо сохранилось, вязи рисунков в старорусском стиле редко где-были повреждены, что говорило о качестве и добротности изделия. Фасад здания со стороны переулка, долгие годы служившим парадным обнесли этой решеткой в 1913 году, а выполнили ее в мастерских Строгановского училища по образцу решетки 17 века в церкви Николы Мокрого в Ярославле. Чем-то она мне напомнила решетку демидовского дворца на Большой Ордынке за большим зданием ГК «РОСАТОМ», но там она небольшая по протяженности, в основном на воротах, а здесь ажурная решетка ограды протянулась почти на весь переулочок от Садового кольца и до Большого Козловского переулочка.

Хорошо рассмотрев все рисунки литья, сфотографировав их и обойдя всю ограду вокруг я понял, что внутрь мне сегодня попасть не удастся, где среди стволов деревьев парка просматривался красавец-дворец в древнерусском стиле.

Позвонив в будку охраны, я спросил у заспанного сторожа, что это за здание и как в него попасть. «А, никак», – был ответ, «это Юсуповский дворец, и – это частная собственность». Вот так вот, без всяких вариантов, не солоно хлебавши и расстроенный я обошел еще раз вокруг ограды, полюбовался старым дворцом и решил заняться подробным изучением истории рода Юсуповых, о которых уже немного кое-что знал.

Как известно, род Юсуповых очень древний. Его история уходит корнями в мусульманское Средневековье, в Багдадский халифат X века. Об этом говорят не только семейные предания, но и древний фамильный документ «Родословная роспись князей Юсуповых от Абубекира», эта летопись, датированная 1602 г. и хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Начало династии берет свой исток от легендарного Абубекираар (Абу Бакр 572–634 г.г.) – который, был другом и тестем пророка Мухаммеда, после его смерти его избрали первым халифом исламского государства. Спустя триста лет, его прямой потомок и соименник Абубекир бен-Райок все также возглавлял мусульманский мир и имел титул Эмира-

эль-Омра. В 1866–67 гг. князь Н. Б. Юсупов-младший в своем историческом труде «О роде князей Юсуповых» писал о нем, «что он был верховным сановником исчезавшего в упоении неги и роскоши Халифа ар-Ради Биллаха (934–940), который предоставил своему верховному главнокомандующему всю власть в духовном и светском значении, также, как и право распоряжаться казной». Успех и величие династии был предопределен изначально, ведь у всех ее представителей – царская кровь и поистине царское происхождение. Наместника Вавилона и родоначальника Юсуповых предательски умутили во время сна в 942 г.

Двенадцать поколений потомков Абу Бакра прожили на Ближнем Востоке, они были султанами, эмирами, калифами на всем пространстве от Египта до Индии. Многие из них были погребены в священной Мекке, находящейся на горе Хира, где когда-то Мухаммед открыл текст Корана.

Один из них, третий сын правившего в Мекке султана Бабатюкlesa – Термес (шестнадцатое колено от Абубекира), в 12 веке в силу сложившихся обстоятельств отправился с преданными ему людьми на север к берегам Азовского и Каспийских морей и поселился между Доном и Волгой, а затем между Волгой и Уралом. Таким образом возникла Ногайская Орда, это было прямое следствие переселения султана Термеса.

Его потомок – легендарный Эдигей (1340-е-1419) находился в прекрасных отношениях с величайшим завоевателем Тамерланом «Железным Хромцом». Он назначил Едигея своим главным полководцем. И не прогадал, ведь, когда монгольская орда Тохтамышша сожгла Москву и резко направилась на владения Тамерлана, Эдигей смело вышел к Тохтамышу и одержал победу в единоборстве, убив его перед выстроенными войсками. Кроме того, Эдигей одержал победоносный верх над литовским князем Витовтом, сокрушив его армию близ реки Ворсклы в 1339 году. Также он был в отличных отношениях с князем Василием Дмитриевичем, сыном

Дмитрия Донского, которого он облагал данью. Когда Эдигей завоевал Крым, это позволило ему создать Крымскую Орду.

Муса-мурза являлся правнуком Эдигея. По сложившимся обычаям у него было пять жен. Первой и любимой супругой была Кондаза, именно она и родила ему сына Юсуфа-родоначальника династии.

Хан Юсуф-Мурза (1480-е-1556)

Праправнук Эдигея, как и его великие предки, был талантливым и мудрым человеком, полководцем, дальновидным правителем. Он двадцать лет дружил и переписывался с Иваном Грозным, был его союзником. При нем Ногайская Орда достигла пика своего могущества, «Царь всея Руси» признавал ее суверенность и регулярно закупал у ногайцев выносливых степных лошадей – главное богатство кочевников. Из бескрайних степей между Волгой и Яиком в Москву гнали на продажу табуны ногайских лошадей, а вместе с ними везли письма «белому царю». Юсуф называл Ивана Грозного «другом и братом», кроме того он часто писал ему мудрые письма и посылал подарки.

Юсуф считал политически важным и необходимым породниться и, тем самым наладить отношения с соседями мусульманами после нашествия монголо-татар на Русь. Вскоре Царь Крымский, Астраханский, Казанский и Сибирский (Кучум) нашли своих жен в лице четырех дочерей Юсуфа.

Двадцать лет дружбы связывали Юсуфа-мурзу с русским царем Иваном Грозным. В одном из своих посланий к царю Юсуф-мурза писал между прочим: *«Между русскими и ногайцами и бедная вдова, и дитя-сирота могли отправляться безопасно в свой путь и обратно... У кого будет 1000 друзей, считай их за одного; у кого один неприятель – считай его за 1000».*

Именно с тех времен хранился в роде Юсуповых и передавался из поколения в поколение легендарный подарок царя, **нательная иконка Ивана Грозного**, которую по легенде во время одного из застолий царь, сняв с себя, подарил ее ногайскому мурзе Юсуфу, недавно обретенному подданному и вернейшему приближенному.

Но, вскоре, завоевав Казань Грозный захватил в плен царицу Казанского царства мудрую и прекрасную Сююмбеку (1520–1557) – дочь Юсуфа, которая мужественно возглавляла оборону города, который русские войска не могли с первого раза взять приступом, и только когда прославленный полководец Андрей Курбский решил сделать подкоп и взорвать стены, крепость пала. В память об этом событии, в Казани возвели семи ярусное строение – башню Сююмбеки, ее высота достигает тридцати пяти сажен. Башня и по сей день украшает Казанский Кремль. Для миллионов татар – это символ Родины, да и здание Казанского вокзала в Москве тоже повторяет контуры знаменитой башни Сююмбеки.

Узнав о пленении дочери с сыном Правитель Ногайской Орды хан Юсуф разозлился и захотел расторгнуть свой мирный договор с Русью, и грозил русскому царю, что направит на Москву войско в триста семьдесят тысяч воинов.

Иван Грозный измены не простил своему недавнему союзнику. За полвека до написания «Гамлета», тот же сюжет был разыгран в столице Ногайской орды – городе Сарайчик. Правитель Юсуф был убит своим родным братом Исмаилом, который с помощью московского царя завладел княжеским тронem и был провозглашен новым беem ногайцев. Чтобы утвердиться на престоле, Исмаилу пришлось вести борьбу со старшим сыном Юсуфа Юн усом, а, чтобы в дальнейшем избежать посягательств детей Юсуфа на власть, Исмаил младших сыновей Юсуфа, Иль-мурзу и Ибрагим-мурзу, оставил в живых, но отправил в Москву, в «аманаты» – почетные заложники, служить Ивану Грозному.

Следует отметить, что при царях татары жили весьма зажиточно: торговали шелком. Шерстью, хлопком, держали постоянные дворы. А при Иоанне IV татарские и ногайские мурзы были самыми бесстрашными и самыми беспощадными царскими слугами. С таким же уважением и почитанием Иван Грозный отнесся и к сыновьям погибшего по его вине Юсуфа Ногайского. Вскоре они привыкли к московскому образу жизни и старались платить царю верной службой. С тех пор они и их потомки служили российским государям.

А царь платил им тем же за верную службу. Он пожаловал молодым князьям вотчины Ярославской земли. Царю были по нраву сила воли, духа, храбрость, мужество и отвага сыновей Юсуфа. Младший, Ибрагим-мурза, в скором времени принял православие и стал именоваться Никитой. А старший брат, Иль-мурза, получил от царя большую часть романовского уезда Ярославской губернии, сегодня это город Тутаев и там до сих пор сохранились остатки старой мечети, который преимущественно населяли приезжие служилые татары. Его сын Сеюш, проявил себя с лучшей стороны, при правлении Лжедмитриев, укрепил семейное положение при дворе и полученные в наследство богатства. Также он получил от царя новые жалования за воинскую храбрость, искренность и служебное усердие.

Привилегии, предоставленные ногайской знати, служили гарантией нейтралитета Османской империи, стремившейся вернуть независимость Казанскому и Астраханскому ханствам.

А прекрасная Сююмбике умерла в 1557 году, прожив всего 37 лет и ее могила находится где-то в городе Касимов. «**Алый шиповник с млечной черемухой осыпают забытую гробницу цветами!**» – писал об этом князь Николай Борисович Юсупов, тоже заметная фигура в отечественной истории, но о нем напишем позже.

На Руси еще долго жили легенды и истории о Сююмбике, воспевающие ее очарование и прелестный образ. Сююмбике иногда называют шести лучевой звездой в княжеском гербе Юсуповых.

Поэт Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807), автор знаменитой «Россиады», сделал казанскую царицу главной героиней своей поэмы, одной из лучших в русском 18 веке.

*«Пою от варваров Россию освобожденну,
Попранну власть Татар и гордость побежденну,
Движенья древних войск, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань».*

В начале 19 века на сценах Москвы и Петербурга идут пьесы А. Н. Грузинцева «Покоренная Казань» и М. И. Глинки «Сумбека, или падение Казани». Наконец, в 1832 году петербургская сцена увидела балет графа Кутайсова «Сумбека, или Покорение Казанского Царства». Пушкин был на спектакле, в котором роль Сююмбеке исполнила воспетая им в «Онегине» балерина Истомина.

Вспомним и сына прекрасной волшебницы. Как известно, сына Суюмбеке Утемиш-гирея, крестили в Москве, и жил он в почете, но к сожалению, умер молодым. В летописи читаем: *«Преставился царь Александр Сафгиреевич Казанский, а живота его 17 лет 6 месяцев, июня в 15 день, во вторник, и положен в церкви Михаила Архангела (Архангельский собор в Кремле), у левого клыроса, посторонь столба, повелть же по нем государь милостыню дати доволну по церквам».*

После Смутного времени история Юсуповского рода была принесена завоевателями в Европу. По одной из версий великий английский драматург Уильям Шекспир использовал в сюжете Гамлета эту историю. В самом деле, ногайский князь Юсуф-мурза, родоначальник русского княжеского рода, был убит свои братом, завладевшим прикаспийским княжеством. Сына убитого дядя Исмаил отправил в Москву (принца Гамлета дядя отправил из Дании в Англию) в надежде на гибель того. Однако Айдар с братьями приняли в Москве служение русскому царю, избавились от сопровождавших их дядиных слуг, и правнук Юсуфа-мурзы сделался русским князем Дмитрием Юсуповым-Княжевым. Неизвестно одно: отомстил ли он? Во всяком случае, его сын Григорий Дмитриевич хаживал во все военные походы с Петром Великим и храбро сражался на стороне русских войск. В том числе и со своими бывшими соплеменниками.

Периодически я продолжал посещать Большой Харитоньевский и прогуливался вдоль ажурной решетки, поглядывая на дворец и парк, представляя, как здесь бегал маленький Саша Пушкин.

*«И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственно-порфирных скал...»*

А. С. Пушкин. «В начале жизни помню я...» – о саде Юсуповых.

Как известно, 6 июня (26 мая по старому стилю) 1799 года в Москве на Немецкой улице **«во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр»**. Вскоре Сергей Львович переселяется с семьёй в один из флигелей (левый) городской юсуповской усадьбы в Большом Харитоньевском переулке; Пушкины живут здесь с 1801 по 1803 года, а маленького Александра няня Арина Родионовна водила гулять в причудливый по-восточному Юсупов сад.

Достопримечательностью сада был большой дуб, обвитый золоченой цепью, по которой поднимался вверх и спускался вниз огромный пушистый кот с зелеными глазами, сконструированный голландскими мастерами. Во время движения кот разговаривал по-голландски. Маленький Пушкин, часто гуляя по саду, восхищался необычным, движущимся по цепи говорящим котом. Впоследствии юсуповская забава послужила прологом к поэме «Руслан и Людмила»:

*«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит».*

Не исключено, что князь Николай Борисович Юсупов, которому тогда было уже за 50, знал Пушкина еще мальчиком, и встреча их в подмосковном Архангельском спустя 30 лет дала повод для приятных воспоминаний и написания этих строк...

*«Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам...».*

Кстати, о истории переулка – в 17 веке на месте переулка лежала дворцовая Огородная слобода. В этой крупнейшей московской слободе в 1679 году насчитывалось 373 двора огородников, и десятки дворов прочего люда, включая «немецкого пономаря». Слободу обслуживали три прихода – Харитония Исповедника. Николы в Мясниках и Трех Святителей. Во второй половине 17 века на окраине слободы были выстроены белокаменные палаты Алексей Волкова (№ 21). В 1727 году Петр II Алексеевич пожаловал палаты князю подполковнику Преображенского полка Г. Д. Юсупову, после пожара 1737 года вслед за Юсуповыми в переулок пришли Бестужевы-Рюмины и прочая знать. Юсуповы владели палатами до 1917 года, а заодно и округлили владения землями по четной стороне переулка. Расцвет усадьбы пришелся на первую четверть 19 века, когда ей владел Н. Б. Юсупов, а по соседству владели домами Шуваловы, Измайловы и граф Санти.

И вот однажды мне немного повезло, прогуливаясь в очередной раз по Большому Харитонию мимо знакомой ограды, примерно через год после первого посещения, я увидел, что были открыты большие ворота со стороны Большого Козловского переулка. Видимо на территорию дворца заехала какая-то грузовая машина. Оглянувшись по сторонам и приняв уве-

ренный вид, я нагло вошел на территорию парка, осмотрелся там и прошел через арку здания во внутренний двор. Там, глаза по сторонам и фотографируя на телефон открывшиеся мне новые достопримечательности дворца, я в конце концов был окликнут внутренней охраной и позорно изгнан с территории домовладения группы компаний «БАМО». На мои вопросы о возможности экскурсии внутрь дворца на платной основе, было сказано, что вполне вероятно скоро их начнут проводить официально, тогда вот мол и приходите. Но, несмотря на репрессивный характер оказанного мне приема, все-таки я успел рассмотреть внутренний двор в старорусском стиле с различными постройками для обслуживающего персонала, слуг, конюхов и пр. (хотя Юсуповскую конюшню с красивыми сводчатыми опорами я обнаружу позже в подвалах соседнего здания), кирпичные внутренние ограды и перегородки и опять тоже красивую старинную решетку на арке ворот с другой стороны дворца.

Хан Абдул-Мурза. Дмитрий Сеюшевич Юсупово-Княжево (ум. в 1694)

Абдул-мурза был старшим сыном Сеюш-мурзы, у которого было пять сыновей. В наследство от отца ему достались многочисленные имения. Довелось ему начать служить Российскому государству в эпоху правления царя Алексея Михайловича «Тишайшего», он также, как и его отец участвовал в военных сражениях с турками, поляками и крымским ханом. Во время стрелецкого бунта 1682 года находясь у стен Троице-Сергиевой Лавры Абдул-мурза и верные государю служилые татары организовали охрану малолетних царей Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича.

Первой супругой его была богатая вдова Екатерина Яковлевна Сумарокова (вот еще откуда пошло родство Юсуповых с Сумароковыми), дочь довольно влиятельного и успешного,

близкого ко двору окольного Якова Хомутова. Она и родила ему трех сыновей – Григория, Матвея и Ивана. Иван и Матвей умерли рано и потомства не имели. Григорий наследовал богатства отца, сделал блестящую карьеру и возвысил род Юсуповых.

Хомутовы – известный старинный дворянский род, происходивший по преданию от шотландца Томаса Гамильтона, выехавшего в Россию из Великобритании в 1542 году вместе с малолетним сыном Петром. Их потомки обрусели и стали именоваться на русский манер Хомутовыми.

Овдовев, Дмитрий Сеюшевич женился на княжне Татьяне Федоровне Коркодиновой, после него бывшей замужем за князем Петром Порфирьевичем Шаховским (1636–1716). Через этот брак Дмитрий Юсупов породнился с русским княжеским домом.

Абдул-мурза был преданным сыном своей страны и государя, он служил им честью, отвагой и правдой. Но было единственное, что сохраняли все представители ногайских орд и не могли пожертвовать даже царю – это вера, хотя при переходе на службу Руси цари даровали им это право. Вполне естественно, что в жены они брали женщин-мусульманок, все обряды и традиции были почитаемы и неукоснительно выполнялись, как было предписано Кораном. Но данной традиции не суждено было продолжаться, стараясь глубже ассимилироваться на новой Родине многие ногайцы женились на русских богатых женщинах, сохраняя для себя свою веру.

Но сам того, не желая и не предполагая правнук Юсуфа сам нарушил и этот завет. Как гласит легенда, однажды он пригласил к себе на ужин православного Патриарха Иокима и было это во время Великого Поста, так как Абдул-мурза был еще мусульманином он конечно не знал православных обычаев и на его столе были разнообразные кушанья, яства и напитки. Гость, ничего не подозревая с удовольствием дегустировал угощения. А радушный хозяин не уставал потчевать приглашенного. Одно блюдо ему пришлось особенно по душе.

«Как вкусно ваш повар готовит рыбу!» – сказал он восхищенно. «Так это не рыба! – ответил довольный хозяин, – это гусь! Мой повар мастерски его готовит».

«Как гусь? Чем же ты меня в Пост угощаешь?» – разгневался гость.

Об этой истории немедленно рассказали богобоязненному царю, тогда уже Федору Алексеевичу, который тоже страшно разгневался и тут же решил предать опале и отобрать все имущество у мурзы. Три дня и три ночи думал Абдул-мурза, что ему делать в этой непростой ситуации и решил, что в России мусульманская вера не имеет перспектив и решил принять православие и покреститься. В процессе обряда он получил имя Дмитрий и **титул «князь» вместо татарского мурза**. Таким образом сын Сеюш-мурзы стал Дмитрием Сеюшевичем Юсупово-Княжево, и довольный царь вернул ему все владения и богатства, но первую же ночь после принятия крещения у Дмитрия Сеюшевича **было видение**.

По легенде, таинственный голос сообщил: *«Ты предал веру, с этого момента в каждом колене твоего рода никогда не будет более одного наследника мужского пола. А если их и будет больше, то никому из них, кроме одного, не суждено будет прожить более двадцати шести лет»*. Это явление позже назовут – **ПРОКЛЯТИЕМ РОДА ЮСУПОВЫХ!!!**

Как это не печально, но голос во сне не обманул. По роковому стечению обстоятельств, в роду Юсуповых действительно не было более одного наследника мужского пола и это проклятие искоренить так и не удалось...

Наконец-то случилось почти уже невозможное! Где-то в 2011 году позвонив в очередной раз по номерам телефонов Юсуповского дворца, указанными компанией «БАМО», я услышал радостную весть, что экскурсии во дворец уже начались, они проходят только по выходным дням, но на них надо заранее записываться, что я немедленно и сделал, забронировав место на ближайшую субботу.

Прибыв на место сбора у калитки охраны, я обнаружил там группу любознательных граждан количеством около двадцати особей разного пола. Проведя переключку, охранник пропу-

стил нас во внутренний двор где возле парадной лестницы нас встретил экскурсовод-молодой волосатый парень, который ввел нас всех в прихожую, где была размещена касса, и где мы приобрели билеты, после чего он провел нас в первые покои, называемые Охотничьим залом, где мы все дружно ахнули, увидев расписные потолки в старорусском стиле, резные порталы, бронзовые решетки и фонари. Задрав головы, мы начали внимательно разглядывать росписи, а гид начал вещать, о том, что:

«Палаты князя Юсупова» в Большом Харитоньевском переулке – одна из самых старых гражданских построек, сохранившейся в историческом центре Москвы, – яркий архитектурный памятник 17–19 вв.

Первое строение на месте дворца по семейной легенде, было возведено в 16 веке. В те времена от Сокольников до нынешних Красных Ворот простирался дремучий лес, в котором любил охотиться царь Иван Грозный, на изображение которого на настенной фреске указал нам гид. Согласно преданию, однажды, проезжая здесь на лошади, он потерял шапку, сбитую веткой, Иоанн IV вышел из себя и приказал построить точно на этом месте охотничий домик, который получил название «Сокольниковый дворец» и с тех пор самодержец часто бывал в нем. Сцены соколиной охоты тоже были изображены на стенах.

Позже по его приказу дворец соединили подземным ходом с Кремлем – «Царь всея Руси» любил появляться и исчезать внезапно. В минуты мрачной подозрительности в искренности окружающих его людей он передевался в посконное платье смерда и, вооружившись фонарем, спустился в подземный ход, известный только ему одному.

Затем он подымался наверх у какой-нибудь заставы, смешивался с толпой и слушал разговоры о себе. Уже в 19 веке при реставрации ход засыпали, рядом с ним нашли царские застенки и несколько истлевших скелетов, прикованных кандалами к сырой стене.

Но Грозный любил и повеселиться, особенно во время пребывания в Сокольничем дворце. Перед выездом на охоту и после нее здесь устраивались пышные пиры, звучали песни гуляров, нередко сам царь подносил кому-нибудь кубок с вином, часто отравленным.

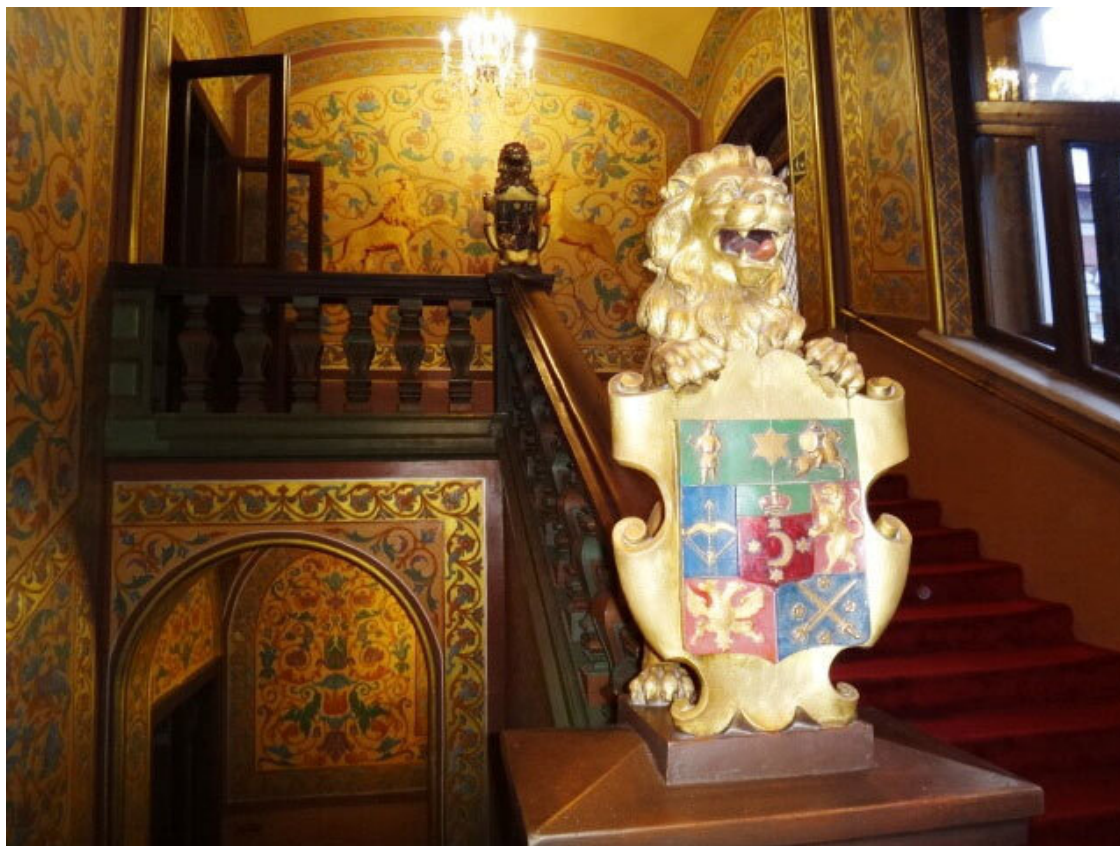
История гласит, что дом Юсупова строили мастера Постник и Барма, те самые, которые впоследствии создали собор Василия Блаженного на Красной площади.

После смерти Грозного дворец долго стоял необитаемым вплоть до воцарения Алексей Михайловича «Тишайшего». Этот царь очень любил соколиную охоту, и он повелел открыть и привести дворец в порядок. Потом хоромы опять пустовали до 18 века, и вся его история относилась к категории легенд. Тот факт, что Сокольничий дворец точно стоял на месте дворца Юсуповых, не является строго доказанным. Популяризовал эту версию уже в 20 веке Феликс Юсупов в своих мемуарах, снабдив описание яркими художественными деталями и подробностями. Известно, что князь был «большим артистом», любителем производить эффекты и эпатировать публику. Архитектурные и стилевые признаки ныне существующего дома в большом Харитоньевском 21, указывают на конец 17 века как наиболее вероятную дату постройки.

Известно, что в 17 веке между современными Мясницкой и Покровкой размещалась огородная слобода, здесь жили крестьяне, которые выращивали овощи к царскому столу. Петр I превращает улицу Мясницкую в царский выезд – и район становится престижным.

Вдоволь насмотревшись и за отдельную плату сфотографировав все изображенные на фресках сцены царских выездов на соколиную охоту и пиры, наша группа под руководством гида прошла к знаменитой Парадной лестнице, ведущей в верхние залы и украшенной знаменитыми юсуповскими львами, держащими в лапах родовые гербы, а стены вокруг были украшены стилизованными растительными узорами. Согласно легенде отсюда, сопровождаемый рындами, боярами и опричниками Иван Грозный совершал торжественный выход перед выездом на охоту.

Как рассказал нам гид именно под этой лестницей были спрятаны сокровища Юсуповых их московского дворца, когда после революции 1917 года Феликс Юсупов тайком приезжал сюда и вместе с преданным управляющим Григорием Бужинским ночью замуровал под этой лестницей наиболее дорогие и ценные вещи, скрыв их фальшивой стеной. Позже, когда во всех дворянских особняках проходили изъятия сокровищ, чекисты до смерти замучили управляющего, но он не выдал тайну своих хозяев и их сокровищ, и нашли их случайно, позже в 30-х годах во время ремонта дворца.

Кто-то из юсуповедов нашей группы задал вопрос гиду и сделал ему замечание, за то, что он не представился при входе, так как был занят сбором наших билетов, он извинился, представился-сказав, что его зовут Виталий, коротко рассказал о своей учебе в МГУ и попросил все вопросы задавать в конце экскурсии. Далее он продолжал повествовать о истории дворца, и о том, что Петр 1 любил тоже здесь пировать и однажды в порыве чувств он подарил владение в Огородниках барону Петру Павловичу Шафирову – дипломату и вице-канцлеру, своему сподвижнику. Вероятно, это событие произошло в 1698 году после разгрома сторонников царевны Софьи. Скорее всего Шафиров и возвёл дворец на месте предположительно деревянного Сокольничего домика Ивана Грозного.

Геральдика

Герб князей Юсуповых был внесен в III часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» под № 2, в следующем виде: «В щите, разделённом на шесть частей, посредине находится малый щиток, имеющий в верхней части в зеленом поле княжескую шапку, а под ней в красном поле четыре шестиугольные серебряные звезды, окружающие серебряную луну рогами, обращенную в правую сторону. На поверхности малого щитка второй маленький щиток голубого цвета с изображением на нем шестиугольной серебряной звезды. В первой части большого щита в зеленом поле наездник с поднятой вверх шпагой и с золотым щитом, скачущий на белом коне в левую сторону. Во второй части в золотом поле муж, одетый в татарское платье, держит в правой руке молоток. В третьей части в голубом поле натянутый золотой лук со стрелой, летящей вверх. В четвертой части в золотом поле и в пятой части в серебряном поле изображены по одному льву натурального цвета. В шестой части в голубом поле серебряный олень, бегающий влево. Щит покрыт мантией и

шапкой, принадлежащими княжескому достоинству. Щитодержателями поставлены два льва, в стороны, смотрящие».

Барон Шафиров П. П. – типичный представитель «новой знати» петровского времени. Сын пленного еврея и в прошлом лавочник, он сделал карьеру исключительно благодаря своей смекалке и преданности делу императора. В походном журнале Петра Великого есть упоминание о том, что император гостил здесь у Шафирова в 1723 году. Однако барон скоро попадает в немилость его обвиняют в казнокрадстве и отправляют в Сибирь.

А палаты были у него отобраны и в том же 1723 году переданы графу Петру Андреевичу Толстому, дипломату и начальнику страшной Тайной канцелярии, участнику в аресте и казни царевича Алексея.

Через несколько лет, при воцарении Петра II, внука Петра Великого и сына погубленного им царевича Алексея Петровича, князь неосмотрительно ввязался в интриги, направленные против Меншикова, и отправился в ссылку на Соловки, где вскоре и скончался. Дворец в 1727 году отошел к ближайшему помощнику Меншикова – обер-секретарю Военной коллегии Алексею Волкову. Несмотря на то, что последний владел домом меньше года, в истории закрепилось название «**Волковы палаты**». После опалы «Светлейшего», дом у Волкова был конфискован. В 1728 году Петр II пожаловал палаты Григорию Дмитриевичу Юсупову. **С тех пор почти двести лет, до 1918 года, этот дом передавался по наследству в семействе Юсуповых.**

Слева от Парадной лестницы находится Крестовая палата или Тронный зал, а рядом с ней расположилась Китайская комната, помещение, оформленное так, в конце 19 века по моде того времени. Зайдя сюда пока вся группа втягивалась в Тронный зал я осмотрел красиво расписанные синим цветом китайскими драконами потолки и стены, а также большие вазы династии Цинь установленные в углах комнаты, потом поспешил за группой.

Виталий уже завёл всю нашу группу в Тронный зал, который, как и Охотничий был богато украшен золотыми росписями с чередующимися древнерусскими гербами, высокие потолки освещались оконными проёмами, расположенными почти под крышей, а балки-расстяжки укрепляли всю конструкцию. В этом зале ранее устраивались приемы, балы и угощения, а позже в советское время проходили заседания Сельскохозяйственной академии. Высокий (11,5 м), просторный (13,5×13,5 м) зал напоминает гигантский купол. В конструкции нет столбов, русские мастера использовали сочетание коробовых сводов без единой опоры. Палата хорошо освещена многочисленными окнами. На куполообразном потолке располагались изображения знаков зодиака, на стенах – райские цветы и сказочные существа из древнерусской мифологии – драконы, единороги и птица Сирин. В зал вели три бронзовые двухстворчатые двери искусной ажурной работы.

Тронный зал поразил конечно всех нас своими размерами и красотой, гид Виталий, дав нам время насладиться невиданным зрелищем продолжал свой рассказ, ведя группу от входной парадной двери к углам зала, где располагались большие фигурные печи начала 18 века, а также камин из голландских изразцов начала 17 века с рисунками и надписями.

Тихо ступая ногами в замшевых тапках с большими шнурками, мы по блестящему, как сказал Виталий старинному паркету (слухи были, что его нынешние владельцы здания разобрали для продажи!?) подошли к двум огромным портретам в красивых рамах императоров, сыгравшим большую роль в истории рода Юсуповых.

Портрет императора Петр Великого напоминает о **«той смутной поре, когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра»**. В те годы верным сподвижником великого монарха был князь Григорий Дмитриевич Юсупов-Княжево..., генерал-аншеф, герой в Северной войне, корабельщик и флотоводец.

Григорий Дмириевич Юсупов (1676–1730) **«Из Петрова гнезда...»**

«Верно и трудолюбно служил всероссийским царям...»

По таинственному и неутешительному предвидению голоса в видениях Дмитрия Сеюшевича, проклятие рода «стартовало» уже на его веку. У него был единственный сын по имени Григорий, который родился 17 ноября 1676 года и ему посчастливилось стать ближайшим другом и соратником Петра Великого. Юсупов был глубоко уважаем современниками, вот как о нем отзывались: *«иёл всегда прямым путем, хорошо служил Отечеству, хорошо знал свое дело. Отличался отвагой на поле битвы, о чем свидетельствовали раны на его теле. Любил иностранцев, был чрезвычайно предан своему государю».*

В то нелегкое время, конец 17 века, было становление периода реформ отечественного государственного аппарата и принципов его устройства в пользу западных ценностей и общества. Переворачивая привычные традиции, сложившиеся на Руси, Петр Первый менял русское общество, ссылаясь на западные тенденции развития.

Григорий Дмитриевич с самого детства был так называемым стольником, получив этот высокий придворный чин, будучи ребенком, он нередко играл и шалил, находясь в **«одной песочнице»** с самим царевичем Петром. Близость к царю Петру определила всю дальнейшую судьбу князя Юсупова. С самого детства он состоял в стольниках и своими поступками доказывал будущему царю присущую ему силу, храбрость и преданность. Ему пришлось возглавлять почти все петровские походы, являясь доблестным генералом русской армии. В 1695 и 1696 гг. Григорий Дмитриевич, состоя в драгунском полку сначала есаулом, а затем капитаном участвовал в двух Азовских походах. С 1700 года военная карьера князя оказалась связана с российской гвардией, он был зачислен с чином поручика в Преображенский полк, с которым прошёл все кампании начального периода Великой Северной войны, участвовал в тяжелейшем Прутском походе.

Воевал потомок Едигея-Мангита весьма достойно. В 1701 году произведён в капитан-поручики, а в 1706 году в капитаны, сражался со шведами в битвах под Нарвой, Полтавой. В битве с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта при деревне Лесной 28 сентября 1708 года гвардии капитан Г. Д. Юсупов был дважды ранен, затем участвовал в Турецкой акции и Персидской экспедиции. 3 августа 1711 года командир 1-й роты Преображенского полка Григорий Юсупов был удостоен звания гвардии майора.

Более того, Петр Великий неоднократно доверял ему ведение таких непростых дел, как казнокрадство, в котором были грешны многие приближенные царя, именуемые «птенцы из гнезда Петрова».

11 ноября 1717 года Петр I указал командировать в Санкт-Петербург 14 гвардейских офицеров, в том числе и майора Григория Юсупова для участия в военном суде, учреждённого для рассмотрения дела следователя М. И. Волконского, обвинённого в совершении преступлений против интересов службы.

Процесс над Михаилом Волконским ещё не завершился, когда царь Петр определил князя Григория Дмитриевича в качестве презуса в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий. Тогда же 9 декабря 1717 года руководителям новоучреждённых следственных канцелярий были вручены подписанные царём именные указы, а также реестры подлежащих расследованию дел. Канцелярия ведения Григория Юсупова получила в производство подборку из трёх уголовных дел, прежде обоначенных Петром, как «бахмуцкое дело». Основным фигурантом этого дела являлся комендант города Бахмута князь Д. А. Кольцов-Масальский, обвинённый в казнокрадстве и злоупотреблении должностными полномочиями. По результатам произведенного расследования комендант был в 1718 году признан виновным в хищении 80 тысяч рублей и приговорён к повешению. Тогда же канцелярия Г. Д. Юсупова осуществляла предварительное следствие по уголовным делам по обвинению казачьих полковников из Харькова и Изюма в хищении денежной казны, собранной для покупки фуража. Отдельно расследовалось уголовное дело по обвинению полкового судьи Изюмского полка Данилы Данилевского в грабеже подданных Речи Посполитой.

Как следует из обстоятельств чинопроизводства князя Г. Д. Юсупова, Петр I высоко оценивал результаты его следственной деятельности. В 1719 году князь Григорий Юсупов, оставаясь гвардии майором, был параллельно произведён в бригадиры, а 28 января 1722 года – в генерал-майоры.

Григорий Юсупов с особой нежностью относился к сыну своего друга детства Петра Алексеевича. С царевичем Алексеем, первенцем Петра, он немало лет состоял в переписке и часто расстраивался по тому поводу, что между ним и Петром была настоящая неприязнь, походившая на обоюдную ненависть, вместо любви и отечески-сыновьей связи. По насмешке судьбы Юсупову пришлось быть во главе комиссии по делу «о измене цесаревича Алексея». В 1718 году князь был включен в состав Верховного суда по делу царевича Алексея Петровича. Он, вместе с остальными 127 судьями подписал смертный приговор (подпись Григория Юсупова стоит на приговоре 25-й по счёту), который гласил, что *«царевич утаил бунтовый умысел свой против отца и государя своего, и намеренный из давних лет подыск, и произыскивание к престолу отеческому и при животе его, чрез разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь и желание отца и государя своего скорой кончины»*. Более того, князь Григорий Дмитриевич даже наблюдал и присутствовал на пытках бедного наследника, по некоторым источникам, эти пытки государь Петр проводил лично.

Генерал-майор князь Юсупов с 1717 по 1722 год возглавлял следственную канцелярию. 9 декабря 1723 года император издал указ о упразднении «майорских» канцелярий, 10 ноября 1724 года князь Юсупов направил в Правительствующий Сенат пространный доклад о ликвидации возглавляемой им канцелярии. 8 декабря князь Григорий Дмитриевич был определён в Сенат, став последним сенатором, назначенным императором Петром Великим.

Воцарение императрицы Екатерины I никак не ухудшило карьеры Г. Д. Юсупова – 21 мая 1725 года он был – в числе первых в России – пожалован в кавалеры орденом Св. Александра Невского, в том же году произведён в генерал-лейтенанты.

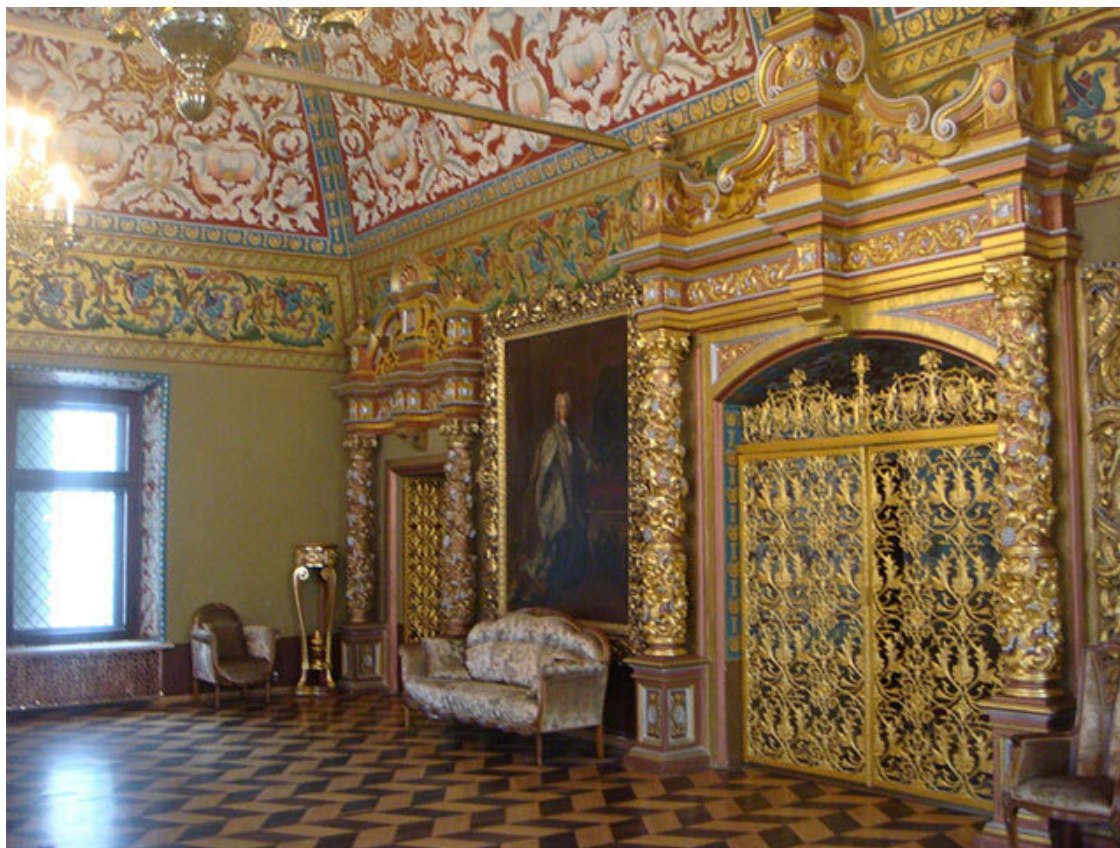
Во время похорон императора Юсупов шел третьим, вслед за «полудержавным властелином» Александром Меншиковым и генерал-адмиралом Федором Апраксиным.

Сохранил князь и расположение юного императора Петра II, в ноябре 1727 года Григорий Дмитриевич стал подполковником Преображенского полка и в том же году назначен первестующим членом Военной коллегии.

После скоропостижной кончины Петра II в соответствии с решением Верховного тайного совета Г. Д. Юсупов проводил следствие о казённых вещах, утаённых фаворитом императора обер-камергером князем И. А. Долгоруковым. Последний был обвинён князем А. М. Черкасским в краже ценных вещей из кабинета покойного императора-кинжала и ларца. Григорий Юсупов произвел обыск имения Ивана Долгорукова, обнаружил указанные вещи и вернул их во дворец.

По мнению современников, Юсупов создавал впечатление весьма замкнутого и закрытого человека, но однажды он решился на одно смелое политическое решение, тем самым оказав российскому самодержавию внушительную и основательную поддержку. Во время очередной кремлевской встречи на событии присутствовала недавно прибывшая из Курляндии Анна Иоанновна, которой суждено было стать в ближайшем будущем императрицей. Князь Григорий Дмитриевич, ссылаясь на волю дворянства и генералитета, выступил перед ней с речью, он подчеркнул важность сохранения самодержавия, отрицая всякие ограничения (хотя **сначала князь подписал знаменитый «Проект 364-х» о ограничении самодержавия, но потом подписал Прощение о его возврате!**) Анна Иоанновна беспрекословно последовала совету князя, разорвав подписанные накануне документов с Верховным Тайным Советом, впрочем, и его в скором времени ликвидировали. Безусловно, этот отчаянный по смелости поступок не был личным решением чересчур осторожного князя, за ним стояла целая политическая группировка, но он однозначно был действующей фигурой в этом вопросе, что говорит о его необычайной дальновидности и мудрости.

В итоге 4 марта 1739 года Г. Д. Юсупов был повторно назначен сенатором, а 28 апреля произведён в чин генерал-аншефа.

По мнению английского аристократа, герцога де-Лириа-и-Херика, князь Юсупов «...татарского происхождения, был муж чести, шел всегда прямым путем, хорошо служил отечеству, знал свое дело, отличался отвагой на поле боя, что свидетельствовали его раны, любил иностранцев, был чрезвычайно предан своему Государю, но часто осушал и кубки». Соратник Петра нередко грешил соей тягой к вину, такая любовь к спиртному и свела его в могилу в довольно ранние годы.

...на втором большом портрете в Тронном зале, к которому подвел нас Виталий, был изображен внук Петра I – император-мальчик Петр II, который в 1727 году подарил дом Алексея Волкова в Земляном городе в Москве, у Харитония в огородниках князю Григорию Дмитриевичу Юсупову-Княжево, после опалы Меншикова. Поэтому не случайно в Тронном зале дворца до сих пор висят портреты двух императоров.

Григорию Дмитриевичу также были пожалованы значительные земельные угодья, превратившие Юсуповых в крупнейших землевладельцев. «В 1720 г. Юсупову пожаловали 8000 десятин земли в Рязанской губернии, 2600 десятин земли в Калужской губернии, а также конфискованные имения князя Прозоровского в трех уездах на Волге». После смерти Петра I, поддержав заговор против светлейшего князя Меншикова, Григорий Дмитриевич «получил обширные владения Меншикова: «ново поселённые черкасские слободы» Ракитную, Груньку, Мартыновку, Макрушину, Рыбинские буды, Веселую и Солдатскую – богатейшие земли, приносявшие ...позднее стабильный доход».

При Анне Иоанновне Григорий Дмитриевич стал опять сенатором и генерал-аншефом. Женат он был на дочери стольника Акинфова, Анне Никитичне, вдове князя Ивана Семеновича Львова, умершей в 1735 году. Анна Никитична Юсупова родила троих сыновей и двух дочерей: Прасковью и Марию, находившуюся в свите императрицы Екатерины I и умершей в 1738 году, инокиней Марфой. Сын Сергей Григорьевич умер холостым в 1734 году, в чине подполковника. Второй сын Григорий Григорьевич умер рано, в 1737 году, дослужившись до чина

полковника, и, хотя был дважды женат, но детей не имел. Из всех детей отца пережил лишь младший – Борис Григорьевич Юсупов, которому и досталось все состояние и продолжение рода. Княжна Прасковья стала жертвой дворцовых интриг и более того, **оказалась вычеркнутой из родового древа князей Юсуповых.**

До своей кончины 2 сентября 1730 года князь Г. Д. Юсупов жил в этом дворце в Огородной слободе. Князь был похоронен недалеко от Кремля, в Богоявленском монастыре, к сожалению, могильная плита не сохранилась до наших дней, поэтому современникам не суждено увидеть и прочесть ту надпись, которую велела высечь на надгробии вдова. А надпись гласила: **«Князь Григорий Дмитриевич Юсупов прожил 55 лет 9 месяцев 19 дней 1 час и 55 минут».** Над надписью-эмблема. Как в печати на просфорах: в круге, представляющем вечность, изображение креста, знамение победы над смертью, и вверху: IC, XC, а внизу греческое слово НИКА, т. е. Иисус Христос Победитель. Земная жизнь этого, безусловно, великого и интереснейшего человека была измерена вплоть до минуты. Князь умер практически в самом начале правления царицы Анны Иоанновны, словно подозревая о том, что ничего хорошего оно не предрекает. На гробнице сподвижника Петра Великого, русского князя Григория Юсупова были начертаны удивительные слова: **«Ветвь его от златога иногда корене князей, многим порфиры носивших».**

О «проклятии рода»

Шла эпоха правления Анны Иоанновны. Она получила власть, можно сказать, случайно. Может быть, именно поэтому она так ревностно и так серьезно воспринимала каждое слово, сказанное о ней. По странному стечению обстоятельств, до нее дошли слухи, будто бы дочь приближенного когда-то к Петру Григория Юсупова Прасковья отзывается о правительнице вовсе не лестно и собиралась **«императрицу склонить к себе в милость через волшебство».** И, вскоре после смерти отца, Прасковья Григорьевна была схвачена и отправлена в Тихвин во Введенский монастырь. Но как же побороть в себе пылкий и яростный ногайский характер? Возможно, другая женщина, будучи на ее месте, восприняла бы ситуацию смиренно, ссылаясь на волю бога. Но только не дочь Григория Дмитриевича, Прасковья продолжала осыпать бранными словами царицу, Бога, настоятельницу, монастырь-всё, что ей попадалось на глаза, говорила даже, «что батюшка её ранее времени своего в землю сошёл, от того что наперед слышал, что Анна не будет нам благодетельница». Разумеется, об этом донесли царице, не заставили себя долго ждать новые, более жесткие наказания; непослушную и неугодную воле правительницы женщину подвергли телесным наказаниям. А также назначили ссылку в более отдаленный монастырь-в Тобольск. Но даже на столь великом расстоянии было «слышно», что инокиня Прокла не желает ходить в монастырь, в соответствующие одеяния не облачается, а на монашеское имя и вовсе не откликается. Петербург был в своем решении непреклонен: глаз с нее не спускать и продолжать держать непокорную и непослушную княгиню в ножных кандалах. Даже под угрозой смерти, гордая наследница эмиров не взяла своих слов обратно и не произносила слов угодных правительнице и власти. Все-таки кровь-не вода! **А брат Борис ей помочь не мог, или как говорили современники – не захотел!** Даже после смерти Анны Иоанновны освобождения не последовало, известно, что в 1746 году Прасковья Юсупова была еще жива, но о дальнейшей ее судьбе ничего не известно.

Трагическая судьба Прасковьи Юсуповой вдохновила художника Николая Васильевича Неврева (1830–1904) на создание картины **«Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова перед пострижением».** Картина написана в 1886 году, на ней перед важным чиновником и архиереем, выслушивая приговор, стоит под охраной молодая девушка с гордой осанкой, приподнятой головой, всем своим видом говоря о несломленном духе. С губ осужденной готовы

сорваться слова негодования по поводу несправедливого обвинения. Картина Неврева в настоящее время хранится в Третьяковской галерее в Москве.

А экскурсия тем временем продолжалась. Наш гид Виталий, подождав пока мы полностью внемлем его словам и насладимся красотами Тронного зала, повел нас далее, в Китайскую гостиную, где я уже был, в Гербовом зале всем понравилась отделка стен шелковыми обоями цвета бордо.

По высокому карнизу Гербового зала были расположены декорации скульптурных медальонов с изображением гербов Юсуповых, в углу зала размещался традиционная печь с изразцами, а по середине зала размещалась круглая старинная кушетка-диван, похожую я видел позже в Питерском дворце на Мойке 94, венецианские зеркала на стенах, большая хрустальная люстра.

Проходя коридорами дворца вслед за Виталием, я оказался рядом с ним и спросил его, знает ли он, что в роскошном Тронном зале Юсуповского дворца еще во времена, когда он был конференц-залом ВАСХНИЛ на стенах висело четыре портрета русских царей. Он ничего не знал о других портретах, и я рассказал ему, **что кроме Петра Великого и Петра Второго, третий портрет принадлежал царю Алексею Михайловичу, отцу Петра Первого.** Царь Алексей Михайлович (1629–1676) за верную службу сделал большие пожалования Сеюшумурзе в северных губерниях России.

Четвертый портрет изображал царя Федора Алексеевича (1661–1682), при нем принял святое крещение под именем Дмитрия Сеюшевича правнук Юсуфа-мурзы Абдулмурза, придумав себе фамилию Юсупово-Княжево.

Известно, что этот портрет был украден из дворца в советское время, грабителя поймали, но живописное полотно так и исчезло, его потом списали с баланса, оценив в ... 120 рублей!

В оформлении всего дворца сочетались роскошь и большой вкус. Юсуповы, после приобретения дворца неоднократно занимались перестройками и ремонтами, большую роль в которых играли в основном женщины.

В 1812 г. после наполеоновского вторжения палаты горели. Князь Н. Б. Юсупов, который был тогда в Астрахани, получил рапорт домовладельца о том, что *«...московские дома совершенно огнем истреблены и что в них все пропало»*. Обгоревшие владения вскоре отремонтировали, по возможности сохранив прежнее декоративное убранство. Кирпича в Москве из-за массового строительства после войны не хватало, но князю Юсупову, как особо отличившемуся перед государством во время войны с Наполеоном, было выдано Комиссией по восстановлению Москвы 50 тысяч кирпичей.

В 1860 г. князь Н. Б. Юсупов-младший ремонтировал палаты, тогда же он прикупил у надворного советника П. А. Племянникова «средний» дом.

В 1877 г. Татьяна Александровна Юсупова решила снести старое крыльцо с лестницей на второй этаж и вместо него возвести новое с перестройками по проекту А. Эверта. Городская управа не утвердила первый проект, потребовав выдержать пристройку в общем для всего здания стиле московского барокко.

В 1891 г. начались большие ремонтные работы, вызванные приспособлением дома под семью графа Сумарокова-Эльстон. Крупномасштабную реставрацию возглавил архитектор В. Д. Померанцев.

Тогда над западным «средним» домом надстроили третий каменный этаж, вместо деревянного, и соединили его с древними восточными палатами посредством перехода, занятого зимним садом. В то же время, согласно воспоминаниям Ф. Ф. Юсупова, засыпали подземный ход в Кремль.

В 1892 г. Княгиня Зинаида Николаевна приглашает архитектора П. Р. Султанова, который прославился реставрационными работами в Кускове и Останкине, перестроить восточную часть здания. Султанов создал дом-миф, отражающий представление о палатах 17 века в конце века 19-го. Крыши сделали более крутыми и расписали «в шашку». Восстановили оригинальный, утерянный во время пожара 1812 г. декор кровли-высокие покрытия с дымоходами и каменными флюгерами. В окна вставили наружные стекла с разнообразными рисунками переплетов, имитирующие слюдяные окошки 17 века. В домово́й церкви Николая Чудотворца и Великомученицы Татьяны, помимо росписи стен и сводов, поставили новый иконостас.

В 1892–95 г. дворец расписали и декорировали в русском стиле по эскизам академика Ф. Г. Солнцева – известного художника и декоратора. Фасады юсуповских владений получили эклектичную полихромную окраску вместо первоначальной монохромной, а росписи каждого из парадных залов имели свой сюжет, что наша экскурсия в данный момент и осматривала.

В кабинете князя находилась коллекция древнерусского искусства, а мы по команде гида устали на потолок с изображённым на нем Лунным календарем, с Солнцем и планетами солнечной системы, а вокруг светила-двенадцать созвездий. Стены кабинета расписаны в древнерусском стиле, а в углу спряталась очередная изразцовая печь-произведение искусства.

Завершала экскурсию Портретная комната, где на ярко-красных стенах разместились портреты всех поколений князей Юсуповых, начиная с хана Юсуфа.

Дворец принадлежал Юсуповым почти 200 лет – с 1727 по 1917 г. Последним владельцем дворца был князь Феликс Феликсович-младший, он не любил этот дворец и вспоминал об этом в мемуарах: *«Все залы были сводчатые и украшены живописью, в самой большой была коллекция прекрасных золотых монет, портреты царей в скульптурных рамах украшали стены. Остальное состояло из множества маленьких комнаток, темных переходов, крошечных лестниц... Мы не любили этот дом... и никогда долго не жили в Москве. Когда отца*

назначили генерал-губернатором, мы поселились в пристройке, соединенным с главным домом зимним садом. Сам дом был предназначен для праздников и приемов».

Перед эмиграцией он тайно приехал в Москву из Крыма. Вместе с верным дворецким Бужинским они спрятали фамильные сокровища под главной лестницей за кирпичной кладкой до лучших времен, но вернуться на родину Феликсу так и не удалось.

После революции в 1920 г. Государство экспроприировало дворец. В его здании сначала разместились анархисты, потом Музей дворянского быта, затем Военно-исторический музей Красной Армии. Существуют разные версии того, как большевики узнали о местоположении тайников. В своих мемуарах Феликс Юсупов пишет, что несмотря на пытки, верный слуга Бужинский не открыл секрет. Но в 1925 г. сокровища древнего рода нашли – и в питерском особняке на Мойке 94, и в Москве. В последнем обнаружили глухую шестиметровую комнату с несколькими ящиками и сундуками. Тотчас была создана экспертная комиссия во главе с Л. Я. Вайнером, в которую вошли известные искусствоведы. **Всего в тайнике насчитали около тысячи предметов, вес серебряных вещей составил 70 пудов (1120 кг), золотых – 33 фунта (13,5 кг).** Ценности распределили между Госбанком и московскими музеями, в том числе Оружейной палатой Кремля.

Военно-исторический музей просуществовал в стенах дворца недолго. С 1928 г. в здании размещаются различные организации, такие как Совхозный институт, Институт планирования и экономики. Наконец по личному указанию наркома просвещения А. Луначарского единственным собственником дворца становится Всероссийская сельскохозяйственная академия им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). Долгие годы ее возглавлял академик Н. И. Вавилов.

В 1960 г. Дворец Юсуповых поставили на государственную охрану и закрепили за ним статус объекта культурного наследия федерального значения.

В начале 21 века дворец пришел в заброшенное состояние, был разработан проект его реставрации, и она частично была произведена в 2004–08 г. Была разработана **концепция Международного культурного центра «Дворец Юсупова»**. Под эгидой центра планируется проводить концерты и выставки, благотворительные акции, корпоративные мероприятия, заседания ученых советов РАСХН.

Сообщив нам эти последние радостные новости из жизни дворца, гид Виталий вывел нашу группу на улицу, и видимо решив добавить «клубнички» на прощание показав на глухую стену высокого кирпичного здания напротив въездных ворот дворца поведал, что некогда этот дом тоже принадлежал князю Н. Б. Юсупову Старшему и в нем располагался крепостной гарем князя из 15–20 красивейших девушек. Гарем был одновременно кордебалетом, а танцам обучал здесь известнейший в Москве в то время танцмейстер Йогель. Представления своего кордебалета Юсупов часто смотрел со старинными приятелями: по его знаку танцовщицы мгновенно сбрасывали с себя одежды и продолжали танцевать в совершенно нагом виде к полному восторгу зрителей. Потом Виталий раздал всем пригласительные билеты и пожелал нам приходить во дворец почаще, так как будут расширяться экспозиции после реставраций новых залов, и будут новые тематические экскурсии, как во дворце на Мойке.

Выйдя в Харитоньевский переулок, я на прощание провел рукой по красивой пыльной решетке и прочитал приглашение, оно гласило, что 14 октября 2012 г. В 19–00, в Тронном зале Юсуповского дворца состоится **Концерт Дворцовой музыки эпохи Прусского короля Фридриха II (к 300-летию со дня его рождения) московского ансамбля старинной музыки «Da camera e da chiesa»**, под руководством художественного руководителя и солиста Виктора Фелициантова.

Ну вот, жизнь старого дворца продолжается, подумал я. Позже я еще несколько раз бывал в этом дворце, бродя по залам дышащими историей, но в конце 2017 года экскурсии в него опять прекратились, и моя дочь, проникнувшаяся историей этого дворца, никак не может в него попасть!

А 12 мая 2020 года пришла долгожданная новость, что дворец опять перешел в федеральную собственность, станет филиалом Архангельского и после масштабной реконструкции возобновятся экскурсии...

Усадьба Спасово–Котово. Июль 2011

Как я уже писал выше, «заболев» историей рода Юсуповых, я решил не останавливаться только на экскурсиях в Большой Харитоньевский переулок, а продолжать «копать пыль времён» дальше и глубже.

Изучив различные источники, я узнал, что почти родовым местом князей Юсуповых считалось подмосковное село Спасское – Котово, где была их первая родовая усыпальница. И вот жарким июльским утром 2011 г. я поехал на машине в город Долгопрудный, где когда-то было это село, следуя дорожным указателям выехал на берег Клязьминского водохранилища, с пляжа которого раздавались истошные крики купающихся детей и сразу увидел макушку православного храма Спаса Нерукотворного Образа.

Оставив машину на парковке возле храма, я пошёл изучать окрестности. Изучать в принципе особо было ничего, справа была Клязьма с пляжем, слева городские кварталы Долгопрудного, для изучения оставался сам храм с территорией, на которой располагались его хозяйственные постройки, сад и небольшой прилегающий погост.

На погосте лежали и стояли старинные колонны и надгробные плиты с выбитыми надписями, я долго лазил по траве вокруг них стараясь прочесть эти надписи и фотографировал их для более детального изучения позже. На одной плите я вроде разобрал полустертые надписи о князе Николае Борисовиче Юсупове, на некоторых плитах почему-то лежали монеты, кто их сюда клал, по какому обычаю?

Как гласит история, имение Спас-Котово на реке Клязьме купил князь Борис Григорьевич Юсупов, будучи московским губернатором в царствования Анны Иоановны и Иоанна Антоновича.

Приобретя имение, князь занялся перестройкой, освещением и реставрацией, уже построенной в 1684 году церкви Спаса Нерукотворного Образа. В 1754 г. князь обратил внимание на построенный «из давних лет» прежними владельцами села (боярами Репниными) придел, который к тому времени не был освещен и использовался для *«поклажи церковной утвари и ризницы и в котором как престола, так и жертвенника, и признаков никаких церковных не имелось»*. Поэтому к весне 1755 г. в храме были устроены престол и Жертвенник, а уже в мае 1755 г. служитель дома Б. Г. Юсупова Щербачев обратился в Московскую Духовную Консисторию с просьбой о освящении вышеназванного придела **«во имя Богоматери Владимирския»** и получил указ о его освящении на вновь выданном антимиинсе протопопом Большого Успенского Собора с братией.

Борис Григорьевич, внесший большой вклад в развитие имения Спасское, умер в 1759 г. и похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Петербурге. С тех пор владелицей усадьбы Спасское-Котово в Подмоскowie стала его вдова, Ирина Михайловна, урожденная Зиновьева (1718–1788). У них было пятеро детей: четыре дочери (княжны Елизавета, Александра, Анна и Авдотья) и один сын Николай, лейб-гвардии конного полку корнет.

Ирина Михайловна Юсупова еще почти 30 лет после смерти мужа жила в Спасском и управляла им. В ее распоряжении, как написано в *«Экономических примечаниях»* Московской губернии за 1766–1770 годы, в селе Спасском-Котово Воскресенского уезда значится *«церковь каменная Спаса Нерукотворного Образа, господский дом деревянный, сад с плодовитыми деревьями»*.

В 1772 г. умерла одна из дочерей Бориса Григорьевича и Ирины Михайловны – Анна Борисовна Протасова. В связи с этим в северном Владимирском приделе около левого клироса под столом был устроен склеп, в котором она была погребена.

По смерти Ирина Михайловна была похоронена рядом с дочерью в склепе храма. Над прахом обеих были положены чугунные доски и поставлена мраморная урна. Так скромная усадебная церковь превратилась в родовую усыпальницу князей Юсуповых, которую позже хотела заменить Зинаида Николаевна Юсупова, построив с помощью архитектора Р. И. Клейна, перед революцией 1917 г. в Архангельском огромный мемориал «Колоннада» Храм-Усыпальницу, но не успев перенести в него прах никого из князей Юсуповых, ни из Спасского-Котова, ни из Петербурга...

Побродив по погосту, я зашел внутрь храма, благо он был открыт, служб не было, и я спокойно мог походить внутри, рассматривая современное состояние храма и подмечая старинные детали, которые сохранились сквозь глубь веков, надгробные чугунные две плиты в углу под клиросом точно оттуда. Зашла молодая служительница храма и начала убирать потухшие огарки свеч, я заговорил с ней и к моему удивлению, она неплохо знала историю храма и поделилась своими знаниями со мной.

Следующим владельцем имения стал сын Бориса Григорьевича и Ирины Михайловны, известный екатерининский вельможа Николай Борисович Юсупов. При нем усадьба Спасское-Котово вошла в апогей своей обустроенности в культурно-бытовом плане, в селе появился кирпичный завод. В 1820 г. в северо-западном углу четверика Спасского храма (центральной части) в склепе под полом была похоронена невестка князя Николая Борисовича, Параскева (Прасковья) Павловна Юсупова, урожденная Щербатова. Место захоронения также обозначено надгробной плитой. Сам князь Николай Борисович хотя и мало бывал в Спасском-Котово, пожелал здесь провести последние годы. Он был похоронен в 1831 г. за алтарем Владимирского придела. Через год его сын, хозяйственник, благотворитель и филантроп Борис Николаевич Юсупов, выстроил над могилой **отца часовню-усыпальницу, она сохранилась до наших времен под шаровидным куполом-крышей на мусульманский манер.** Когда умер Борис

Николаевич в 1849 году, то он был похоронен рядом с первой любимой супругой Прасковьей Павловной в склепе четверика.

До 1850-х годов Спасская церковь имела только один придел, Владимирской иконы. В 1850 г. при Николае Борисовиче Юсупове, внуке одноименного вельможи, был составлен проект южного придела, в честь святителя Николая Чудотворца. Новый придел, освященный в 1853 г. значительно расширил пространство храма.

В 1859 г. Юсуповы устроили при храме богадельню во имя св. мученицы Татианы, в 1863 г. была создана церковно-приходская школа. В начале 20 века появилась роспись стен. Но к тому времени имение приходит в запустение. Последний владелец Спасского-Котова был князь Феликс Феликсович Юсупов.

В 1934 г. храм был закрыт решением советской власти. Спасский храм был разграблен и наполовину разрушен. Оказались уничтожены колокольня от яруса звона, купола, оконные украшения. Расположение окон и дверей было перепроектировано. На месте усыпальницы была запущена угольная котельная. С южной стороны пристроено двухэтажное здание, помимо других построек на территории бывшего храма. Помещения церкви в разное время занимали спичечная и пуговичные фабрики, мыловаренная мастерская, областная типография.

С 1991 г. усилиями верующих началось восстановление храма, в условиях еще действующей на его территории типографии. Первое богослужение состоялось 8 сентября 1991 г. на праздник Владимирской иконы Божьей Матери. Первые после 60 лет запустения службы проводились в Никольском приделе, постепенно храм с пристройкой и территорией был полностью передан церковной общине.

К 1998 г. были восстановлены на купольные кресты. 8 сентября 1996 г. была восстановлена звонница. 31 мая 1998 г. архиепископ Можайский Григорий **совершил чин освящения центральной части Спасского храма**. 6 мая 2001 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий освятил Никольский придел. Сейчас в храме ежедневно проводятся богослужения, сказала мне молодая служительница Ксения, работает воскресная школа и община храма регулярно принимает участие в общественных мероприятиях города Долгопрудного. Вот так теперь живет старый храм!

Борис Григорьевич Юсупов (1695–1759) Любимец «Прыкрасныя Елисавет»!

У Григория Дмитриевича кроме дочери было еще три сына. Двое из них умерли, один за одним. И, как гласило пророчество рода Юсуповых, остался только один наследник мужского рода. Им был Борис Григорьевич Юсупов, он в свою очередь имел четверых детей – трех дочерей и одного сына.

Борис Григорьевич появился на свет 18 июля 1695 года. С его рождением была связана какая-то туманная история – брак родителей был заключен непосредственно в год рождения сына и оформлен брачным договором, согласно которому жених имел немало обязательств, разумеется в случае отказа от супружества (есть конечно информация, что родители князя вступили в брак в 1694 г., а не в 1695). В 1717 году, будучи 22-летним мужчиной – а по тому времени уже далеко не юным человеком, князь Борис Юсупов и еще двадцать молодых русских дворян направились в Тулон, где им предстояло окончить училище гардемарин. Это позволили князю получить отличные инженерные знания, которые, кстати, пригодились ему позже. Более того, изучение французской системы высшего военного образования было полезно князю позже при осуществлении реформирования Петербургского Шляхетского Кадетского корпуса.

Борис Григорьевич первый в семье Юсуповых получил образование в Европе и соприкоснулся с западной культурой. «На своем коште» изучал иностранные языки. *«В 1715 г. определен в Морскую Академию. В начале 1716 г. князь Б. Г. Юсупов определен гардемарин и «служил на кораблях «Архангела Гавриила» и «Девоншире»... когда... Петр Великий... командовать изволил четырех нашей флатами, а имянно Российским, агленским, дацким и галанским».* Тогда же молодой гардемарин был послан с голландским флотом в Амстердам, а в начале 1717 г. послан из Голландии во французскую службу. В Тулоне в училище гар-

демаринов Борис Григорьевич находился до 1720 г., а затем на французских кораблях был в компаниях на Средиземном море, побывал на островах Ибица, Майорке, Минорке, в Испании, Алжире, Тунисе, на Сардинии и в Генуе. С 1723 г. находился в Константинополе при русском резиденте при османском дворе. В начале 1725 г. указом императрицы Екатерины I был возвращен в Петербург и состоял при Иностранной коллегии.

После смерти Петра Великого первые пять лет он пребывал в статусе рядового государственного чиновника. В 1730 году императрица Анна Иоанновна, которая не успела должным образом наградить внезапно умершего отца Юсупова – Григория Дмитриевича за помощь в политической борьбе, поэтому внушительную часть полагавшихся милостей преподнесла его сыну.

Ирина Михайловна Юсупова, урож. Зиновьева (1708–1788), сенатора Б. Г. Юсупова. Миниатюра с портрета Рокотова Ф. С. 1849

В 1734 г. князь Б. Г. Юсупов женился на Ирине Михайловне Зиновьевой (1718–1788) из древнего рода, давшего видных государственных и военных деятелей.

«**За верность и ревностное радение**» Борис Григорьевич удостоился чина действительного камергера Императорского двора «с рангом действительного генерал-майора». В 1736 году Юсупов получил назначение «к присутствию в Правительственном Сенате» и возглавил его. Присутствие в Санкт-Петербурге во время многочисленных поездок императрицы в Москву, выполняя как особые и ответственные поручения, так и исполняя текущие государственные дела. В ту пору это могло быть опасно – капризная правительница и ее фаворит регент Бирон в любом русском, даже ногайского происхождения, видели «врагов Престола и Отечества». В Русском Биографическом словаре чиновничьей деятельности Бориса Григорьевича дана такая характеристика: *«Князь умел ловко плыть по течению, действуя, впрочем, умно и в пользу русского просвещения в такое время, когда беспечность позволяла направлять его во вред, угождая немецкой рутине и ограниченности».*

В 1738 году князь, согласно царскому указу, был переведен в Москву. Вообще императрица Анна Иоанновна Москву любила гораздо больше, чем северную столицу и только страх перед пресловутым «общественным мнением» помешал ей вернуть первопрестольной функции столицы. Князя Юсупова назначили **на должность Московского вице-губернатора**, и уже через год он представил Анне Иоанновне подробное «Доношение о разных преобразованиях по Московской губернии», которое получило Высочайшее утверждение, хотя, как предполагают многие отечественные реформы, подкрепления бюджетными деньгами в большом количестве ожидать не стоило. Князь вошел в большое доверие к регенту Бирону и не боялся обращаться к нему с просьбами: *«рабственное прошение о жалованье моем, куда с 739 году не получал, чтоб оное мне получить, как я прежде сего получал, от двора всемилостивейшей государыни. Впредь рабственно ноги целую, и прославлять высочайшее имя вашей высококняжеской светлости и милость до смерти не предстану».*

В 1740 году Бориса Григорьевича пожаловали в Тайные советники и назначили также **Московским губернатором (1740–1742)**. Императрица Анна Иоанновна испытывала к нему большее доверие, чем к его сестре Прасковье, которую считала колдуньей, поэтому князю поручались дела очень непростого свойства. Так, императрицу сильно волновал важный государственный вопрос о том, кто первым упоминается во время католической службы в московской церкви «Немецкой слободы» – она или римский папа. Для получения информации об этом князь обратился к своей хитрости, он дал такой ответ императрице: *«...Сего 14 числа, как о получении Высочайшего указа, так и о поручении той комиссии Иностранной Коллегии переводчику Ивану Меркурьеву... оный переводчик мне объявил, что он в той Католицкой церкви во время Божественной службы бывал и присмотреть никак не мог, ибо молитвы вовремя священнослужения произносят тайно по их обыкновению, а не в слух, однако он тем временем спознался с тутошними патерами. А один патер из оных и в его доме насупротив затем был и обедал, и тако через частное свидание по многим разговорам причину подал о разности служения между Греческой и католицкой церквами, так и о молитвах... и сверх того тот патер сам собой показал, что они здесь в церкви во время священнослужения, в приношаемых к Богу молитвах, произносят в начале Папу, яко Викария Господа Иисуса Христа, а потом Вашего Императорского Величества Высочайшее имя, прежде нежели Римского Цезаря, понеже де обретаются во Всероссийской Империи ...».* Так природная смекалка и похвальное остроумие не редко помогало князю в решении довольно деликатных вопросов.

Смерть Анны Иоанновны, очередные дворцовые перевороты, появление на престоле дочери Петра Великого Елизаветы Петровны не усугубили личное положение осторожного и хитрого Бориса Григорьевича. «Прекрасную Елизавету» князь Юсупов и его сестра Прасковья хорошо знавали еще с детских лет. Но, доверять ему, довольно «видному» деятелю правления ушедшей императрицы, Елизавета Петровна смогла полностью лишь спустя определен-

ное время своего царствования. Он лишился должности Московского губернатора, вернулся в Петербург и в 1742 году Борис Григорьевич наконец-то смог применить свои обширные морские познания.

Согласно новому царскому указу, он был назначен на пост Главного Директора Ладожского канала, эта должность была ответственная, но не очень заметная. Юсупов провел и тщательно исследовал состояние водных путей Российской империи, затем подал императрице план строительства гидротехнических сооружений на Среднерусской равнине, что приведет к значительным экономическим выгодам государства. Князь предлагал соединить системой каналов Ладожское озеро с Волгой и Окой. Кроме этого, императрица Елизавета Петровна часто прибегала за помощью к Юсупову, привлекая его к многочисленным судебным разбирательствам и процессами над чиновниками (почти как Григория Дмитриевича-его отца, Петр Великий). Особенно интересной оказалась работа следственной комиссии по делу «советника Академии наук И. Д. Шувалова, обвиненного в непорядочности и в казнокрадстве. Нельзя не упомянуть, что Юсупов заступался за великого русского ученого М. В. Ломоносова, которого обвиняли в излишнем пристрастии к горячительным напиткам, причем применял на практике не совсем «гуманные и демократические» методы лечения великого ученого, за что потом его правнук Николай Борисович-младший вынужден был оправдываться перед современниками за своего прадеда».

В 1744 и 1748 годах князя Юсупова ожидала новая должность присутствующего в Санкт-Петербургской Сенатской конторе, которая при частых отъездах императрицы в Москву имела немало текущих государственных дел и вопросов, требующих незамедлительного решения. В 1744 году Борис Григорьевич удостоился чина Действительного Тайного Советника, а вскоре был назначен Президентом Коммерц-коллегии, и таким образом он вернул себе опять расположение царицы. В частности, князь много интересовался улучшением качества отече-

ственного сукна, которое использовали для обмундирования армии. Этот вопрос князь в 1746 году обсуждал с иностранцем Раушертом, который на тот момент арендовал Ряшскую суконную фабрику в Прилуцком уезде Полтавской губернии. В 1754 году **фабрику пожаловали князю «в вечное владение»**. Но с обязательным выполнением условий поставки определенного количества сукна для нужд русской армии.

В 1750 году князь Юсупов, 55-летний мужчина, почти старик по меркам того скоротечного времени, получил должность **Главного Директора Шляхетского Сухопутного Кадетского Корпуса**, также он присутствовал в Правительствующем Сенате.

В Петербурге на Английской набережной, на участке, пожалованном еще его отцу, он выстроил каменный дом (Английская набережная, № 26), разместившийся вблизи Сената и неподалеку от Кадетского корпуса. Принадлежавшая Юсупову *«усадьба начиналась от Невы, вдоль... красной линии, и уходила вглубь до нынешней Галерной улицы. Здесь находились въездные ворота. Фасад господского дома со стороны Невы украшало высокое крыльцо... это был парадный вход в здание»*.

В 1751 году за многолетнюю службу во благо Отечества князь Борис Григорьевич был удостоен высшего ордена Российской империи – **Святого Апостола Андрея Первозванного**. Эта почетная награда символизировала собой фактическое окончание активной государственной службы князя, ведь Сенат и Кадетский корпус считались чем-то вроде мест с почетной пенсией.

Современники тогда говорили, что императрица Елизавета Петровна таким образом отметила важное событие в жизни князя, именно в этот год родился долгожданный наследник рода Юсуповых, впоследствии признанный глава русской аристократии на рубеже веков – блистательный князь Николай Борисович, которому так же, как и его отцу, впоследствии пожалуют орден Святого Апостола Андрея Первозванного, как и многие другие ордена, русские и иностранные. Около десяти лет отец занимался вопросами воспитания и образования единственного и любимого сына. В этом ему не мало помогали преподаватели Кадетского корпуса, который располагался на Васильевском острове во дворце когда-то влиятельного светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, отошедшим в казну после его падения.

Принцип образования в Кадетском корпусе благодаря стараниям Бориса Григорьевича был поставлен весьма достойно. Поражал список наук, которые полагались изучать кадетам: Закон Божий, русский язык, а также немецкий, французский и латинский. Более того в список входили география, история, математика, физика, архитектура, чистописание, рисование, фехтование и искусство.

Во времена начальства князя Юсупова Кадетским корпусом из его стен вышли многие выдающиеся воспитанники; там обучался 15-летний крепостной князей Репниных юноша Федор Рокотов-будущий знаменитый русский портретист. Ему предстоит стать основателем Московского Английского клуба, именно в корпусе Федор Степанович прошел все ступеньки служебной лестницы до получения офицерского чина, который дал ему не только звание дворянина, но и подарил свободу от крепостной зависимости. По приказанию императрицы в корпусе обучались актеры первой русской театральной группы Ф. Г. Волкова, тогда корпусное образование считалось лучшим в России не только для военных. Кадет А. П. Сумароков – будущая литературная знаменитость, во время обучения в корпусе написал первые русские трагедии.

В 1756 году Юсупову удалось добиться перехода преподавания с немецкого на русский язык, также резко ограничился прием иностранцев.

Особенно славился любительский театр кадетского корпуса. Его упоминает в своих «Записках» великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II; *«В последний раз мы жили в Москве, главнокомандующим в Петербурге оставался, в отсутствие двора, сенатор и начальник кадетского корпуса, Князь Юсупов. Для собственной забавы и*

для удовольствия знатных людей, какие оставались тогда в Петербурге, он завел театральные представления: кадеты попеременно разыгрывали лучшие трагедии, как Русские, так и Французские, сочинения Вольтера, сия последняя в искажениях». По возвращении из Москвы Императрица приказала, чтобы эта труппа молодых людей продолжала играть пьесы Сумарокова при дворе». А. П. Сумароков, будущий драматург, был в ту пору учащимся корпуса, и кадеты оказались первыми, кто поставил сумароковского «Хорева» – первую русскую трагедию. Успешное выступление этой труппы при дворе не могло не повлиять на решение императрицы Елизаветы Петровны учредить в 1756 году первый Русский для представления трагедий и комедий театр, его возглавил Сумароков.

В 1757 году при корпусе усилиями князя открыли типографию для печати учебных книг для кадетов, кроме того, были организованы библиотека, архитектурные комнаты и художественная галерея с живописными картинами.

В 1759 году, за несколько дней до смерти, тяжело больной князь получил по собственной своей просьбе **«увольнение от управления корпусом»**. Его место занял сам наследник престола Петр III, будущий правитель, этот акт подчеркивал высочайшее значение Кадетского корпуса в жизни России тех лет.

В 1832 году, спустя много лет после смерти Б. Г. Юсупов, историк корпуса А. В. Висковатов написал о нем, подчеркивая значение его достижений в русской педагогике: *«Имя сего достойного вельможи заслуживает быть незабвенным в истории Кадетского корпуса. Обращая все внимание и употребляя все свое время на воспитание вверенного ему юношества, он входил во все подробности корпусного управления»*.

Да, всем был хорош князь Борис, обладал милостью всесильных мира сего, а **вот родной сестре Прасковье помочь не смог, или не захотел, и даже отрекся от нее...**

Князь Борис Григорьевич Юсупов умер 26 февраля 1759 года, через одиннадцать дней после увольнения со службы. Он был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Петербурге. Супруга Ирина Михайловна пережила его почти на тридцать лет и скончалась в подмосковном селе Спас-Котово. Княгиня удачно выдала замуж четырех дочерей, породнившись со знатными дворянскими семьями Голицыных, Измайловых, Протасовых. Старшую Евдокию (1748–1780), фрейлину императрицы Екатерины II, из политических соображений выдали в 1774 г. за курляндского герцога Петра Бирона (1724–1800) – сына известного временщика времен императрицы Анны Иоанновны, Эрнста-Иоганна Бирона, правда брак их оказался неудачным. Ирина Михайловна проявила себя и как успешный предприниматель. Пользуясь тем, что в России продолжалось освоение южных земель, включая территории побережья каспийского моря, и неплодотворные земли государство продавало «по мизерной цене (по 1 рублю с десятины) для освоения, пространство же береговой линии... отдавалось бесплатно... за 21 000 рублей Юсупова приобрела 129 тысяч десятин «неудобной» земли. ... князь Николай Борисович после ее смерти сдавал воды внаем, а откупное содержание астраханским купцам-рыбопромышленникам».

Таким образом, единственным наследником огромнейшего состояния ногайского Абдулмурзы стал Николай Борисович Юсупов, единственный и любимейший сын героя данного описания. Светоч своего времени, блистательный «екатерининский вельможа» – одна из самых ярких фигур русского 18 века. Не случайно ему, единственному из всей когорты предков, праправнук Ф. Ф. Юсупов посвятил в своих мемуарах целую главу. Она начинается так: *«Князь Николай – одна из самых замечательных фигур в нашей семье. Склонный к интеллектуальным занятиям, с сильным характером, любитель путешествовать, очень эрудированный, говоривший на пяти языках, он был связан с большинством знаменитых людей своего времени, покровительствовал искусствам и наукам и был другом и советчиком как императрицы Екатерины II, так и ее преемников: царей Павла I, Александра I, и Николая I»*.

Великолепное Архангельское

«Бывали ли Вы в Архангельском? – Если нет, поезжайте...», – писал А. И. Герцен после посещения этой подмосковной усадьбы в 1833 году.

А я и без Герцена знал, что мне уже давно пора посетить знаменитое поместье-музей, тем более что так сильно увлекся историей рода Юсуповых и их многочисленных дворцов и поместий, но всё время мне что-то мешало, то работа, то семья, то еще что-нибудь. Наконец в декабре 2009 года планируя как провести новогодние праздники я случайно наткнулся на предложение Дома-отдыха в Архангельском, хотя буквально накануне таких предложений не было, да и всем было известно, что там Военный санаторий уже давно расположен и места в нем распределяются через Министерство Обороны. Видимо, что-то сработало на небесах и мне выпал счастливый билет. А может кто-то просто бронь сдал. Но в любом случае был бы грех не воспользоваться такой удачей, и я, откликнувшись на предложение оформил через интернет двухнедельный новогодний семейный отдых.

Заезд был назначен за три дня перед Новым 2010-м годом и вооружившись необходимыми медицинскими санаторно-курортными картами по форме № 86, загрузив машину лыжами, коньками и необходимыми для длительного отдыха в зимних условиях вещами, в назначенное время мы с женой прибыли на территорию Военного санатория, разместили машину на стоянке, и заселились в 3-й корпус у въезда в большом 2-х комнатном номере № 326 с балконом. Через некоторое время мы обжились в отдыхающем контингенте, дружно ходили на процедуры, в столовую и бассейн с сауной, а вечерами на праздничные новогодние эстрадные мероприятия и танцы.

Днем я не «утюжил» лыжами накатанную лыжню в районе «Большого партера» и Императорской аллеи, а уходил по льду через замерзшую Москву-реку и «торил» лыжню сам на острове Лохин и далеко за ним. А возвращаясь назад я уже привычно отзывался на приветствия – типа «Товарищ полковник, а Вы сегодня далеко на лыжах ходили?» и «Пойдемте в баре посидим или в бильярд сыграем в пирамидку русскую». Но все время пребывания там, я, бродя между заснеженными корпусами при температуре –27 по Цельсию, с обмороженным носом и простуженным горлом, постоянно изучал историю этого удивительного места, то ли с брошюрами в руках посещая на экскурсиях Дворец (Большой Дом) и другие музеи, то ли с увесистым фолиантом из истории Государства Российского посещая молебен в церкви Архангела Михаила и Усыпальницу (Колоннаду), кстати гигантские полотна Тьеполо о Антонии и Клеопатре хранились тогда без рам именно там.

Хотя, конечно, надо признаться зимние пейзажи с закрытыми ящиками скульптурами в парках нельзя было сравнить с прекрасными видами Верхних и Нижних Террас и всей усадьбы в летние посещения, которые я делал позже во время проведения джаз-фестивалей «Усадьба».

Итак, из истории...

Имение Улозы, как первоначально называлось Архангельское, впервые упоминаются в документах времен Ивана Грозного. Село было небольшим, имело деревянный храм Архангела Михаила, построенный в 1-й пол. 16 века. В 17 веке при новых владельцах, боярах братьев Киреевских, его периодически поновляли. В начале 1640-х годов село купил боярин Ф. И. Шереметев, известный своей ролью в установлении династии Романовых на российском престоле. В 1660-х годах по распоряжению князей Одоевских, владевших в ту пору имением, на месте деревянной церкви возвели каменную. Тогда же, согласно названию храма, село стало называться Архангельским. К концу 17 века оно превратилось в типичную подмосковную вотчину, вблизи храма стояли рубленые жилые хоромы: три светлицы, связанные сенями; рядом еще один сруб-баня, а чуть дальше поварня, ледник, погреб, конюшенный двор и амбары. Ко двору примыкали «огородец» и сад, в котором росли яблони, вишни, сливы, крыжовник, смородина, а также каштаны, грецкий орех, шелковица. В состав усадьбы входили и хозяйственные постройки: скотный двор, конюшня, ткацкие избы и пильная мельница. Здесь же располагались две оранжереи, которым суждено было стать первым шагом к популярным в 18 веке садовым «затейам».

С 1681 года Архангельское принадлежало князю М. Я. Черкасскому, а к 1703 г. перешло к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну (1655–1737). После смерти Петра II в 1730 г. князь Д. М. Голицын активно участвовал в политической борьбе вокруг престолонаследия, являясь одним из главных членов Верховного тайного совета, и потому при императрице Анне Иоанновне был обвинен «в преступных намерениях» лишить государыню власти. Высланный в Москву Дмитрий Михайлович большей частью жил в Архангельском. Деятельный по натуре, князь обратил свою энергию на переустройство усадьбы. Старое жилье казалось ему слишком малым, и к западу от прежних построек он начал возводить новый двухэтажный дом, а перед ним разбил сад, напоминающий модные петербургские. Однако закончить переустройство князю не удалось. В 1736 г. по указу Анны Иоанновны он был арестован, заточен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре скончался, а усадьбу конфисковали в казну.

В 1742 г. императрица Елизавета Петровна возвратила имение сыну Д. М. Голицына, действительному тайному советнику и сенатору, князю Алексею Дмитриевичу Голицыну (1697–1768), который не сумел поддержать начинания отца. И только его сын, князь Николай Алексеевич Голицын (1751–1809), решил превратить родовую вотчину в образцовую усадьбу, отвечающую духовным устремлениям века Просвещения.

По традиции своего времени Н. А. Голицын получил европейское образование: попечением высокопоставленного родственника, вице-канцлера А. М. Голицына, он был направлен в частный пансион в Стокгольме, а затем в Страсбургский университет. Позднее князь совершил трёхгодичное путешествие по Европе: побывал в Швейцарии и Италии, Франции и Англии, Голландии, германских княжествах, Австрии. В «Дневнике» молодого Голицына (документ находится в собрании музея-усадьбы «Архангельское») сохранились впечатления об увиденном.

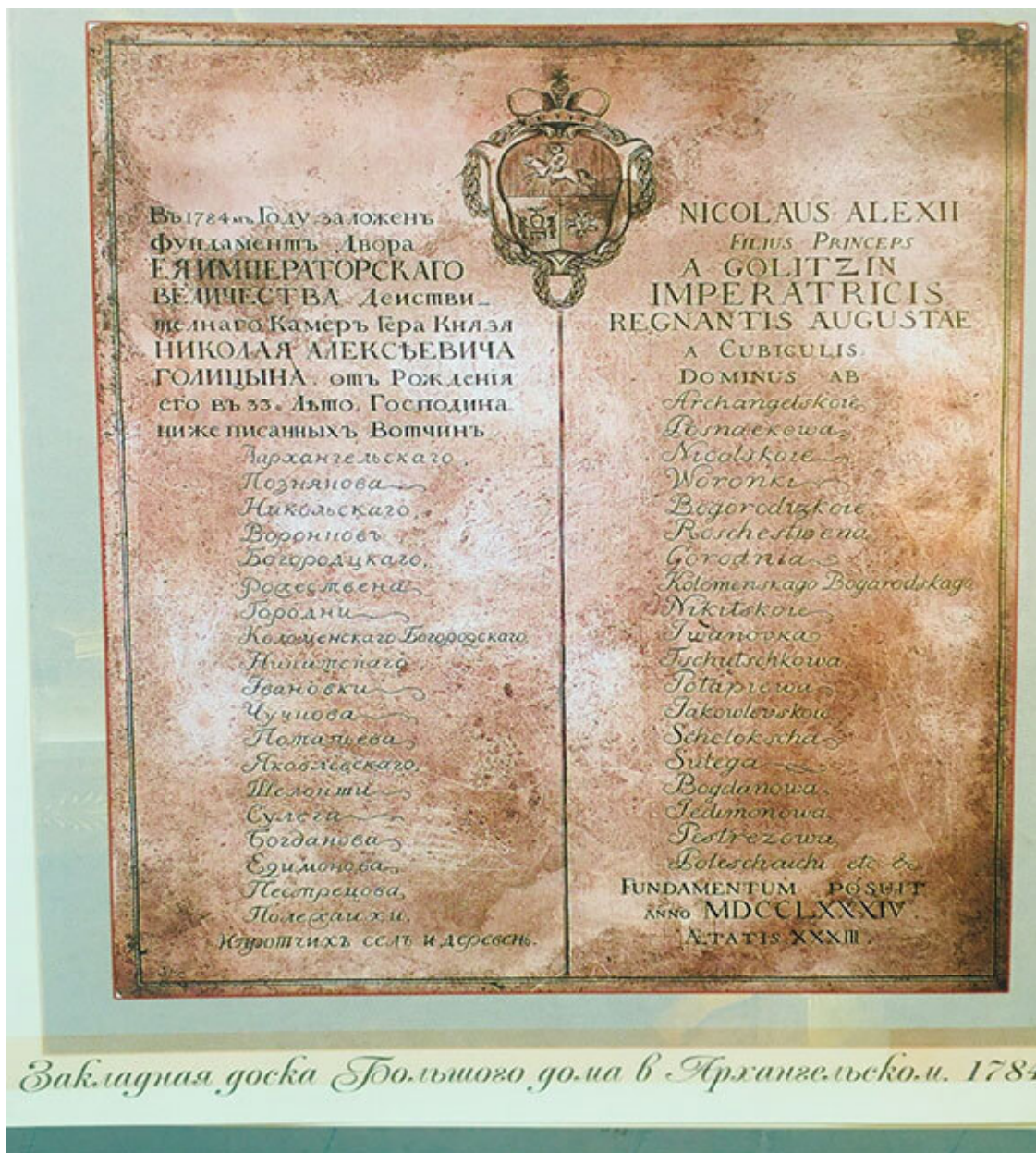
При дворе императрицы Екатерины II Н. А. Голицын исполнял различные дипломатические поручения, состоял в свите великого князя Павла Петровича, являлся членом Комитета для управления зрелищами и музыкой, стал тайным советником, сенатором, кавалером орденов Св. Анны и Св. Александра Невского.

В 1780 г. в Париже князь приобрел для строительства своего загородного дома проект архитектора Шарля Герна, положив этим начало знаменитому архитектурно-парковому ансамблю в Архангельском. В ходе реставрации дворца в 2003 г. была обнаружена украшенная гербом рода Голицыных **медная закладная доска**, указывающая точную дату начала строительства здания – 1784 год!

В последующие 25 лет дворец (Большой дом) был выстроен и вокруг него разбили парк. Изменения коснулись и старинного села Архангельское. Для окончания работ предстояло завершить отделку Большого дома его флигелей и колоннад. Но в 1798 г. Н. А. Голицын вышел в отставку, дела его пришли в упадок, и денежные затруднения приостановили строительство в Архангельском. В 1809 г. Николай Алексеевич скончался, и его вдова Мария Адамовна приняла решение о продаже усадьбы.

Посредником при продаже имения со стороны Голицыных выступал бригадир Александр Александрович Арсеньев – опекун малолетних детей Марии Адамовны Голицыной, рожденной Олсуфьевой, а со стороны покупателя торги вел управляющий Московской домовою канцелярией князей Юсуповых – Иван Михайлович Щедрин, в августе 1810 года он получает инструкции князя Н. Б. Юсупова **«ибо мне хочется за собой оное имение иметь»**. По возвращении из-за границы основной заботой Н. Б. Юсупова стало размещение значительно увеличившегося собрания картин и скульптур. Петербургский дворец на Фонтанке, уже не устраивал князя, и он продал его в казну в 1810 году за 350 000 рублей.

Для заключения купчей на усадьбу князь собирался приехать в Москву лично. Следуя инструкциям Юсупова, 29 августа 1810 года Щедрин вносит задаток в 5 000 рублей в счет договоренной цены на усадьбу в 245 000 рублей и подписывает обязательство, что внесет 100 000 рублей наличными при совершении купчей. Купчая на «село Архангельское с деревнями» была оформлена 6 октября 1810 года. **Усадьба продавалась с прилежащими вокруг нее деревнями: Захарово, Раздоры, Лохино, Воронки, Ивановское.**

Итак, в 1810 г. Архангельское покупает государственный деятель, богатейший вельможа, знаток и коллекционер произведений искусства князь **Николай Борисович Юсупов** (1751–1831). Ура, свершилось! И все благодаря любви к высокому искусству! Высокое происхождение, незаурядные личные качества и европейское образование позволяли князю в течении всей жизни оставаться одним из самых видных деятелей эпохи. Николаю Борисовичу в год приобретения Архангельского было уже 60 и, как многие стареющие царедворцы, он решил обосноваться в Москве.

Человек блистательного века Екатерины II, князь остро ощущал наступление новой эпохи и, желая сохранить для себя частицу дорогого сердцу времени, задумал создать под Москвой свой «Музейон» с произведениями живописи, скульптуры, библиотекой и парком...

После приобретения Архангельского эта мечта осуществляется: усадьба станет любимым детищем князя и достопримечательностью Москвы. В письме владельца управляющему имением появятся слова: «Как Архангельское не есть доходная деревня, а расходная и для веселья, а не для прибыли, то стараться...то заводить, что редко, и чтобы все было лучше, нежели у других». Люди искусства, знатные вельможи и даже члены императорской фамилии будут

стремиться попасть сюда, чтобы насладиться совершенной красотой дворца, парка, великолепием художественной коллекции.

При Н. Б. Юсупове ансамбль усадьбы, в основном сложившийся еще при Н. А. Голицыне, не претерпел существенных изменений, все основные черты не только сохранились, но и обрели окончательную форму. В 1814 г. князь Н. Б. Юсупов возглавил Экспедицию Кремлевского строения, много способствуя возрождению древней столицы после пожара 1812 г. он был хорошо знаком с лучшими московскими архитекторами. По его приглашению в Архангельском работали О. И. Бове, И. Д. Жуков, С. П. Мельников, Е. Д. Тюрин, В. Г. Дрегалов, М. М. Маслов. В самой усадьбе их незаменимыми помощниками были талантливый крепостной архитектор Василий Яковлевич Стрижаков и выходцы из юсуповских вотчин – «архитекторские ученики» И. Борунов, Ф. Бредихин, Л. Рабутовский, а также живописцы М. Полтев, Е. Шибанин, Ф. Сотников, И. Колесников.

Обозы с материалами потоком шли в Архангельское, по Москве-реке сплавляли к усадьбе строительный лес. Из Санкт-Петербурга, Москвы, родового имения Спасского-Котова и других владений князя доставляли мебель, картины, книги, декоративное убранство для Большого дома. Отечественная война 1812 г. на время отодвинула завершение строительства и отделочных работ, часть художественных коллекций спешно пришлось вывозить в астраханское имение князя. После войны и крестьянского бунта, учиненного архангельскими мужиками (осень 1812 г.), потребовались затраты на восстановление усадьбы.

К середине 1810-х гг. было окончено строительство дворцовых колонн. В 1817 г. по проекту архитектора С. П. Мельникова и под руководством В. Я. Стрижакова была построена въездная арка и пространство между Большим домом и флигелями превратилось в замкнутый Парадный двор. Внутренние углы флигелей закрыли полукруглыми кулисными стенами с проходными арками в середине. Над дворцом возвели бельведер, украшенный коринфскими колоннами; в период пребывания владельцев в имении на его флагштоке развевался белый флаг с гербом Юсуповых.

Стены и плафоны парадных залов Большого дома украсили декоративной росписью, а в центре купола Овального зала поместили живописное полотно Н. де Куртейля «Амур и Психея». Произведения искусства из коллекции Н. Б. Юсупова, великолепная мебель, часы и осветительные приборы из бронзы превратили Большой дом в подлинный дворец. Однако после пожара, случившегося здесь зимой 1820 г., интерьеры вновь пришлось отделывать.

Летом 1818 г. во время визита в Архангельское императора Александра I был торжественно открыт Театр, ставший одним из самых известных усадебных театров России. В 1819 г. перестроили малый дворец «Каприз» и возвели храм-памятник императрице Екатерине II. Позднее, посещение Архангельского императорами отмечалось особым образом; на проспекте у подпорной стены Нижней террасы парка появились увенчанные чугунными орлами колонны в честь императоров Александра I и Николая II.

В 1827 г. Н. Б. Юсупов купил и перевез в Архангельское из подмосковных Горенок знаменитые «ботанические оранжереи» графа П. А. Разумовского. В 1829 г. террасы возле дворца были реконструированы архитектором В. Г. Дрегаловым и обрели неповторимый скульптурный декор. Постоянно расширялись пейзажные рощи, реконструировались оранжереи на холме у Москвы-реки. Больших затрат требовали уход за растениями и дорожками парка, стрижка деревьев и кустарников, устройство газонов и цветочных клумб. Многочисленные теплицы поставляли диковинные плоды и цветы к столу хозяина. Гости, бывавшие в Архангельском, не переставали удивляться юсуповским затеям: вольеру с фазанами и павлинами, зверинцу с верблюдами и ламами, пеликанами на берегу пруда и редким растениям в оранжереях и саду. В летнее время здесь можно было совершить прогулку, приобрести изящные изделия мастерской по росписи фарфора и с разрешения хозяина полюбоваться произведениями искусства во дворце. Денег с гостей за визиты хозяин не брал.

Облик Архангельского окончательно сложился к середине 1820-х годов, казалось, нельзя было отыскать под Москвой имения более совершенного: архитектурный ансамбль и парк в нем органично сочетались с великолепными коллекциями; громадной библиотеке Н. Б. Юсупова могли позавидовать в столицах, театр украшали декорации Пьетро Гонзага, а расписанный в имении фарфор носил марку с названием усадьбы.

В 1827 г. в Архангельском с московским другом библиофилом С. А. Соболевским впервые приехал А. С. Пушкин. Красота и богатство усадьбы покорили его. Н. Б. Юсупов показывал гостям свое художественное собрание и превосходную библиотеку. Вероятно, увидели они

и дорожный «Альбом друзей князя Юсупова», с которым князь когда-то путешествовал по Европе в конце 18 века. В нем, наряду с другими, содержалось и стихотворное обращение к Н. Б. Юсупову П. О. Бомарше. Наверняка говорили и о женщинах, общением с которыми оба героя уделяли много времени и внимания.

Спустя два года А. С. Пушкин в поэтическом Послании воздал дань удивительной жизни человека, соединившего в себе лучшие черты славной эпохи – от Екатерины Великой до Николая I.

*«..... Ступив за твой порог,
Я вдруг переносюсь во дни Екатерины,
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной,
Я слушаю тебя: твой разговор свободной
Исполнен юности. Влияние красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружаясь Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный...!»*

В августе 1830 г. А. С. Пушкин еще раз побывал в Архангельском вместе с поэтом П. А. Вяземским. Их приезд запечатлел работавший в усадьбе французский художник Никола де Куртейль в рисунке «Осенний праздник в Архангельском».

А год спустя, узнав о кончине старого князя, А. С. Пушкин в письме к П. А. Плетневу с грустью напишет: «Мой Юсупов умер».

Так кем же был на самом деле знаменитый строитель и хозяин Архангельского, любивший его всей душой, вложивший в него много сил и средств, оставивший в холодном Петербурге свою знаменитую жену и живший в своем прекрасном имении вплоть до своей смерти? Может познакомимся с ним поближе...?

Николай Борисович Юсупов (1750–1831) «Блистательный екатерининский вельможа»

«Он принадлежит по своему типу к тому благословенному разряду людей, в которых от рождения вложена вера в культуру».

А. В. Прахов

Князь Николай Борисович Юсупов – популярный герой старинных книг, «дней минувших анекдотов», просвещенный вельможа, меценат, тонкий ценитель прекрасного – одна из самых приметных персон европейского и русского XVIII века.

Точная дата рождения князя Николая Борисовича Юсупова историками все еще не установлена несмотря на то, что биографию этого, пожалуй, самого ярчайшего представителя династии изучают уже более двухсот лет. В двухтомном сборнике, написанном князем Н. Б. Юсуповым-младшим «О роде князей Юсуповых» (1842) дается следующая дата рождения князя – 15 июля 1751 года, а «Русский биографический словарь» (1912) приводит дату рождения – 1750 год, в «Российской родословной книге», изданной князем Петром Долгоруковым в 1855 году, указаны следующие даты жизни – 15 октября 1750–15 июля 1831! Новый «Русский биографический словарь» в 20-ти томах, вышедший в 2001 году, приводит такие даты жизни Николая Борисовича – 1750–1831.

«С невских берегов». – а родился князь наш, однако в Италии. Первые годы жизни прошли под пристальным влиянием отца, который очень заботился о будущем единственного сына. В восемнадцатом веке в обществе русского дворянства младенцев мужского пола практически сразу записывали в армию, как тогда говаривали – «в полк». Дети из влиятельных семей попадали в лейб-гвардейские полки, и семья Юсуповых не была исключением. Вряд ли кто-нибудь тогда мог подумать, что из Коленьки Юсупова вырастет блестящий дипломат и лучезарный ученый-гуманитарий. Николай Борисович был записан в Конный полк Лейб-Гвардии, и, еще слушая колыбельные песни, он начал службу правительнице Елизавете Петровне, каковую и продолжил вплоть до ее смерти. В 1755 г. маленький князь получил чин корнета, это было первое значимое событие в его жизни. Но, удивительно, что с детских лет Коленька не любил играть в солдатиков и другие игрушки, редко какой мальчик это не обожает.

При дворе семью Юсуповых относили к приверженцам западного образа жизни, но в быту и повседневности они предпочитали обычаи родимой старины. В детстве верными спутниками Николая и его сестер были нянюшки, затем, лет с шести их воспитанием занимались гувернеры и гувернантки-иностранки. Религиозным и нравственным воспитанием детей в России обычно занималась мать, хранительница семейного очага, княгиня Ирина Михайловна Юсупова. Ей была присуща скромность, незлобивость, простой нрав, но, в то же время твердый, особенно в вопросах веры, характер. Между матерью и сыном были невероятно трогательные и теплые отношения, она подбирала для него книги, заказала его детский портрет в офицерской форме. И уже спустя годы, когда Николай Борисович находился в преклонном возрасте, он завещал своим потомкам похоронить его рядом с матерью в Спасово-Котово, а не с женой в Петербурге!

Его отец, нередко пользовавшийся своим служебным положением, а также уважением к нему кадетов и преподавателей Кадетского корпуса, частенько приглашал их домой, чтобы те делились с Николенькой «науками» и прочими знаниями. Учителями молодого князя были многие выходцы из Голландии, которые, как известно, в свое время повлияли на Петра Первого, и на становление новой России, и на Петербург с его укладами. Это позволило князю уже в относительно юном возрасте владеть пятью языками, хотя, обладая пытливым умом он продолжал учиться на протяжении всей своей долгой жизни. Также он отлично владел и рус-

ской речью, как литературной, так и разговорной. Немалое значение в образовании молодого князя Юсупова имели книги, рано вошедшие в его жизнь и сознание. Родители сумели заложить неплохую основу для его будущей библиотеки, которая до сих пор поражает своими масштабами и станет одной из крупнейших в России и Европе. Архангельское до сих пор хранит одну из первых и любимых книг Николая Юсупова, это «Придворный письмовник», который вышел в Амстердаме в 1696 году. На форзаце книги имеется фраза, написанная самим мальчиком: «**Prince Nicola a 9 ans.**», кроме того, на этом же форзаце имеется и автопортрет 9-летнего мальчика. История также сохранила еще несколько учебных рисунков юного князя.

В те времена хорошую детскую литературу было непросто найти, поэтому приходилось дарить книги для взрослого чтения. На 13-летие сына Ирина Михайловна преподнесла ему книгу «История Фридриха Вильгельма Первого, короля Пруссии». Данный подарок также хранится в Архангельском и на форзаце книги сохранилось написанное красивым каллиграфическим почерком поздравление матери, адресованное Николеньке. Театр, книги, живопись, искусство – любовь к прекрасному развивалась в нем с детства, прошедшим под пристальным вниманием отца. Когда Николеньке было девять лет, его папа, Борис Григорьевич, умер, это было первой величайшей утратой в жизни.

Военная карьера князя складывалась параллельно с домашним обучением. В 1761 г. Николая Борисовича перевели из корнета в подпоручики Лейб-гвардии Конного полка. Когда ему исполнилось 16 лет, Юсупов поступил на действительную военную службу, в 1771 г. Николай Борисович был рекомендован в поручики, и на этом этапе его военная служба завершилась. В следующем году им была получена отставка, а также полагающееся звание камер-юнкера Высочайшего двора.

«Английский клуб и годы студенчества». Не лежала душа князя к военной службе, но поступив на государеву, он стал представителем редчайшей категории государственных служащих, для которых мораль всегда была превыше денег. Другими словами, Юсупов был «не берущим чиновником», более того князь поддерживал своих подчиненных, как морально, так и материально, многим из них раздавая собственные деньги из полагающегося оклада, а также выпрашивал для них «в верхах» награды и пенсии. Благодаря знанию пяти иностранных языков в 1772 г. берет начало государева служба в Коллегии Иностранных дел совсем еще молодого камер-юнкера Императорского Двора, князя Николая Борисовича Юсупова. Если не, гвардия – тогда МИД! Коллегию иностранных дел с 1763 по 1781 года возглавлял Никита Иванович Панин (1718–1783), а непосредственным начальником юного князя являлся Денис Иванович Фонвизин (1745–1792), вошедший в историю как драматург и сатирик, автор комедий «Недоросль» и «Бригадир».

Известно, что дипломатия – это одна из закрытых сфер, ведь здесь крайне важно и необходимо соблюдать государственную тайну. Юсупов, вступив в государственную службу, застал период, когда страна переживала очередную переломную эпоху русской истории. В 1772 г. наступило совершеннолетие наследника престола Павла Петровича. С одной стороны, Екатерина Вторая не желала отказываться от царствования и власти, с другой всколыхнул и возмутил народ крестьянский сын Емельян Иванович Пугачев, а с третьей – на престол претендовал сын Екатерины Павел. Чрезвычайно осторожный князь Юсупов не состоял ни в одной придворной группировке или партии, или князь мастерски скрывал это. В 1774 г. князь в свои 23 года становится членом Петербургского Английского клуба, который на тот момент существовал менее пяти лет.

Немало лет князь Юсупов прожил вдали от Родины, за границей. Но все это время он умудрялся не выходить из членского состава клуба, вовремя выплачивая ежегодный взнос, чтобы не подвергать себя процедуре выборов в члены клуба и ожидания вакансии. Князь целых 57 лет состоял в Английских клубах обеих столиц России, где проводил много времени, два-

жды выполняя хлопотные обязанности клубного старшины. Князь играл в карты, но в долг денег никому не давал.

Не чурался князь и общества масонской ложи, это было модно тогда, многие подробности его биографии, подтверждают факт, того, что Николай Борисович имел весьма высокую степень. Наиболее вероятной историей считается членство Юсупова в масонском Мальтийском ордене, куда князь мог вступить во время своего первого заграничного путешествия.

В 1774 г. князь подал прошение об отъезде за границу для завершения образования, осуществлялось оно, несомненно, при покровительстве его начальника, Н. И. Панина. В архиве Внешней политики Российской империи хранится Прощение князя Юсупова на имя императрицы Екатерины II о разрешении отбыть в чужие края для продолжения учебы: *«Всемиловитвейшая Государыня! Если бы и не имел я перед глазами примеров своих предков, служивших с усердием и ревностью Государям своим, то и одна благодарность моя за все милости Вашего Императорского Величества возбудила во мне ревностнейшее желание сделать себя способным к службе Вашей. Тому уже как полтора года как по Высочайшему Вашего Императорского Величества дозволению упражняюсь я по приобретении знания по части дел иностранных; а как для наилучшего в том успеха весьма способствовать мне может собственное мною обозрение дворов Европейских, то приемлю смело всеподданнейше просить Вашего Императорского Величества об увольнении меня на четыре года как для обучения в Лейдене, так и для путешествия. В оное время могу увидеть я все Европейские дворы и воспользоваться направлениями и руководством Ваших министров, там резидирующих...».*

Императрица одобрила просьбу князя. Получив от нее рекомендательные письма, весной 1774 г. Николай Борисович решился на свое первое длительное путешествие по Европе. С не большими перерывами продлилось оно почти двадцать лет, хотя той весной юный князь об этом еще не догадывался...

Путешествие свое князь начал с того, что пробыл некоторое время в гостях в Митаве у своей сестры Евдокии, герцогини Курляндской. В письме, отправленном из Митавы 27 мая 1774 года другу и племяннику Н. И. Панина, Александру Борисовичу Куракину (1752–1818), с которым князь находился в постоянной переписке, князь сообщает, что *«застал мою сестру в добром здравии... Прошу Вас заверьте графа Панина в моем глубоком к нему почтении. Я напишу ему. Как только буду в Лейдене... вы знаете. Как я к нему привязан и насколько ему обязан. Поклон дорогому Фонвизину»*.

И уже летом 1774 года Николай Борисович направился в Лейден с целью прослушать в местном университете определенные научные курсы, по дороге князь побывал в Данциге, Берлине, Гааге, а также в других европейских городах, встречавшихся по пути.

Нужно сказать, что в те времена высшее образование в среде русского общества в чужих краях имело некое условное разделение. Те студенты, кто имел принадлежность к родовому

дворянству, уезжали учиться за казенный счет в Лейпцигский университет. Более богатая и родовитая молодежь направлялась в Лейденский, но уже за собственные средства.

«28 июля 1774 г. В книге регистрации студентов Лейденского университета под № 65 появляется запись о приехавшем из России дворянине Николае Борисове, студенте юридического факультета, проживающем в доме Готье по улице Бреестрааг». В 1770-х годах в Лейдене учились многие из тех, кому суждено было стать самыми заметными личностями российского общества конца 18 века. Кроме упомянутого Александра Куракина, там учились граф Николай Шереметев, князь Николай Голицын, князь Александр Нарышкин, братья Сергей и Николай Румянцевы – это блестящее общество молодых людей с азартом предавалось, как наукам, так и развлечениям.

В университете князь Юсупов слушал лекции по праву, философии, политической истории, естественным наукам. Немало времени занимало учение иностранным языкам: латыни, древнегреческому, английскому и конечно будучи необычайно творческой натурой Николай Борисович увлекался живописью и музыкой.

«Сегодня неделя, как я занимаюсь, – писал князь в письме другу. – Я передал Ваше письмо г-ну Пестелю, и я застал его таким, каким Вы его мне обрисовали. Пестель дает мне два занятия в день: утром – государственное право, во второй половине дня – историю философии. Даже в пятницу он дает мне один урок, что обычно не делает. Г-а Алламан заставляет меня заниматься физикой. Керру ежедневно преподает мне латинский язык; Митчелл, английский министр, учит меня этому языку; музыка и рисование заполняют оставшееся время. Но когда закончатся каникулы, я займусь ботаникой. Я живу на Бреет-стрит, рядом с голландским Двором...».

В студенческие годы юный князь открыл для себя с качественно новой стороны и театр. Библиотека Архангельского до сих пор хранит некогда приобретенные князем в Лейдене сборники театральных пьес, и даже трехтомник «Новый театр Гааги», 1759 года издания.

В то старое время иностранному студенту необходимо было иметь рекомендательные письма для путешествий. Французский академик Виллаузон с большой доброжелательностью писал Л. К. Фалькенару о его прилежном ученике. Он же передал Юсупову рекомендательное письмо в Копенгаген советнику Юстиции Трескову, в котором просил посодействовать Николаю Борисовичу в период его поездки в Данию. В письме были такие слова: **«Князь Юсупов, который передаст Вам это письмо, является русским господином... Не буду повторять то, что я уже имел честь Вам сказать о широте и глубине его обширных знаний, особенно в греческом языке... Это один из самых выдающихся людей Европы!».**

В подтверждении этих лестных слов в 1779 г. Общество древностей в Касселе, которое основал ланграф Гессенский Фридрих Второй, избрав «знаменитого своими знаниями» князя Юсупова своим Почетным членом.

Современникам также была известна история о лестной оценке, данной Николаю Борисовичу знаменитым Вольтером. Известный и ядовитый философ преподавал в Лейдене и из всего русского студенческого братства выбрал именно Юсупова. А в плане маршрутов после завершения обучения в феврале 1776 года, после Голландии стояла Англия. Там Юсупова привлекал знаменитый Оксфорд, там он смог почерпнуть немало полезного и интересного. Юсупов отправляется в ставшее традиционным для аристократической молодежи большое путешествие, Grande Tour, позволявшее познакомиться с историческими и художественными достопримечательностями разных стран.

По прибытии в Лондон в марте 1776 г. князь Юсупов был вскоре представлен королевскому обществу. Среди его новых знакомых оказался Пьер Огюстен Карон де Бомарше (1732–1799), известный драматург тогда выполнял секретную миссию правительства Франции, вступившего в борьбу с Англией за североамериканские колонии. В течение нескольких месяцев, проведенный в лондонском обществе у них сложились весьма теплые дружеские отно-

шения. Кроме того, уже более двухсот лет существует легенда о том, что князь и великий драматург соперничали из-за женщины и, разумеется, князь в этом «поединке» одержал победу. Известно, что внешний облик Бомарше не отличался красотой, а князь наш был писанный красавец. Говорили, что Бомарше даже хотел отравить князя, но передумал, Моцарт и Сальери, одним словом.

Путешествуя, Николай Борисович всегда держал при себе небольшой альбом в красном сафьяновом тиснении, на котором золотом было выбито: «ALBUM AMICORUM PRINCIPIS DE YOUSOUPOFF», что в переводе значило «Альбом друзей князя Юсупова». Именно в этом, утерянном позже княжеском альбоме оставил свой след Бомарше, записав в нем собственноручно стихотворение «Прощальный привет», тщательно выписывая буквы. Николай

Борисович очень гордился этим автографом, показывая его только избранным знакомым, в том числе и А. С. Пушкину.

*«Лондон. 7 мая 1776 года. Князю Юсупову.
Прощальный привет, Карон де Бомарше.*

*Вы, милый князь. Полны стремленья,
Знать. Видеть все без исключенья,
Со злобой волн вступая в спор.
Дерзайте ж, в путь, – судьба вас гонит.
Но, все увидев, вы потом,
Князь, убедитесь сами в том,
Что на земле шароподобной, —
.....
Привычки, нравы, жизни ход,
И слабости, и преступленья,
Пороки, как и заблужденья,
Народы меж собой роднят.
Различья в них нашли б навряд
Мы, взяв любую их причуду.
.....
Склоняйтесь ниц пред красотой.
.....
Желаю быть неутомимым
Я вам любовником наук
И счастья баловнем, любимым!».*

«Вольтер – его благословил...!» Летом 1776 года молодой князь посещает Португалию и Испанию, пользуясь покровительством бывшего посла в Лондоне маркиза де Помбала, получил путевые листы для дальнейшей поездки. В Португалии Юсупов посещает университет в Коимбре, осматривает Лиссабон, Порту, Альмейду. В испанской Саламанке знакомится с коллекцией рукописей в университетской библиотеке, в Мадриде его принимает король Карл III, а в Эскориале он посещает библиотеку и едет в Сеговию. От чрезвычайного посланника французского короля маркиза де Оссун, 26 июля 1776 года получает путевой билет для въезда во Францию и через Байонну и Бордо в сентябре приезжает в Париж, где встречался с Дидро и стремился увидеть Вольтера. Продолжая путешествие, он посетил Швейцарию, где Вольтер принял Юсупова в Фернее, о чем философ сообщил в письме императрице Екатерине II. В ответном письме Вольтеру 1 октября 1776 года она не преминула заметить, *«если Вы довольны князем Юсуповым, то я должна за него засвидетельствовать, что он восхищен Вашим приемом и всем, что Вы говорили в то время, когда он имел удовольствие видеть вас».*

Великий Вольтер не был чужд коммерции. Этот гениальный французский мыслитель под старость лет, как вспоминает современник, «сделался торгашом». В 1776 году в городе Фернье Вольтером основана часовая мануфактура. Точнейшие и красивейшие часы рождением своим обязаны Вольтеру! Ибо первые швейцарские часы вышли из его мастерских... Екатерина Вторая с жадностью поглощала не только мысли философа, но и явилась первой покупательницей часовой продукции: в Россию по ее просьбе отправили партию часов на 8000 рублей.

Насмотревшись на Вольтера, вздумал было позже и Николай Борисович Юсупов, заняться торговлей. Он организовал у себя зеркальный завод, ибо зеркала были тогда в большой цене и их привозили из-за границы. Увы, то что удалось Вольтеру и получалось у купцов,

абсолютно чуждо было природному князю. Зеркальный бизнес у него не пошел, и он потерпел большие убытки. Вольтер написал ему из Парижа: **«Князь не может быть торгашом»**, и Николай Борисович немедленно прекратил свое зеркальное производство. Много позже его праправнук Феликс тоже окажется плохим коммерсантом.

Во Франции, русского князя еще более покорила приветливость Людовика XVI и Марии-Антуанет ты. Николай Борисович немало времени провел в Версале и видел французский двор во всем блеске. После Франции Юсупов через Швейцарию и Германию приехал в ноябре 1776 года в Италию – страну классического искусства. В январе 1777 года он посетил Неаполь, где в то время «ожил» вулкан Везувий и началось его извержение.

Обратный путь в Россию лежал через Вену, где Николай Борисович был представлен австрийскому императору Иосифу I, там же он не мог не встретиться с родственником, русским посланником Дмитрием Михайловичем Голицыным – известным дипломатом и большим коллекционером, собиравшим произведения живописи, скульптуры и графики европейских мастеров. Его собрание для начинающего коллекционера Юсупова, несомненно представляло интерес, ведь в период своего первого путешествия князь начал приобретать популярных в то время признанных голландцев и фламандцев, работы талантов итальянского Возрождения. Экспонаты своей коллекции Николай Борисович размещал в доме своего отца на Английской набережной, где прошли его детство и отрочество.

Небольшое количество официальных биографий Николая Борисовича Юсупова преимущественно умалчивают о событиях периода 1778–1781 годов. Известно только, что в 1781 году князя пожаловали в **действительные камергеры Императорского Двора**. Стоит отметить, что к претенденту на столь высокое звание предъявлялись весьма серьезные требования особенно к внешним данным, как тогда деликатно выражались, претендент мог «попасть в случай». Князь, как раз соответствовал этим требованиям как своим образованием, богатством, положением семьи, возрастом, так и незаурядной внешностью. Видимо, именно в тот жизненный период с Николаем Борисовичем произошла история, на которую стыдливо указывала одна картина с мифологическим сюжетом из коллекции князя.

Император Павел Первый позже, оказавшись на престоле очень уважительно относился к князю Юсупову, но все-таки он обратился к нему с вежливой просьбой: убрать куда-нибудь «подальше» одну из картин княжеской коллекции с сюжетом союза античных богов Венеры и Аполлона, на которых странным образом изображения полуголых небожителей очень уж напоминали князя Юсупова и саму императрицу Екатерину Великую. Павел Первый нередко испытывал чувство стыда за свою мать. Тем более, что некоторые фавориты по возрасту годились ей в сыновья.

Поводом для написания неоднозначной картины на античный сюжет явился факт возвращения Николая Борисовича из-за границы и встреча с императрицей. Юсупов был влиятельным вельможей по своему происхождению и ему не надо было искать возможности «попасть в случай», история с сюжетом картины – это не более, чем очередной любовный порыв любвеобильного и нежного сердца князя, а для Екатерины очередной придворный адюльтер с «одним из самых выдающихся людей Европы».

Николай Борисович Юсупов в течение долгих лет был не только доверенным лицом императрицы, но и хорошим другом. Она могла с полной уверенностью доверить князю самые деликатные и ответственные дипломатические поручения. Более того, Юсупов был ее личным агентом по вопросам приобретения художественных экспонатов для пополнения Эрмитажа и других дворцов. Екатерина постоянно переписывалась с князем, их диалог был дружеским и кокетливым, что свидетельствует о многом.

С особым вниманием Н. Б. Юсупов в то время заботился о своих малолетних племянниках, детях сестры Елизаветы Борисовны Юсуповой (1743–1770) и генерал-майора князя

Андрея Михайловича Голицына (1729–1770). Рано, в один год скончавшиеся родители оставили трех сыновей-сирот Михаила (1765–1812), Бориса (1766–1822) и Алексея (1767–1800), воспитанием которых занимались не только их официальные опекуны из рода Голицыных, но и Николай Борисович. В начале сентября 1780 года Н. Б. Юсупов представил своих племянников при дворе, чтобы получить разрешение на их заграничное образовательное путешествие по собственному опыту. Старший из братьев, Михаил, написал об этом событии своей бабушке, Ирине Михайловне Юсуповой: *«Милостивая государыня бабушка. Мы позабыли написать, что мы были с дядюшкой Князем Николаем Борисовичем у Князя Григория Александровича Потемкина и обоих майоров нашего полку. Князь Григорий Александрович докладывал об нас Ея Величеству и получил дозволение отпустить нас в чужие края. Милостивая государыня бабушка-Ваш послушнейший внук-князь Михайло Голицын»*. Мальчиков представили светлейшему князю Г. А. Потемкину (1739–1791), фавориту Екатерины II, и Н. И. Панину (1718–1783), возглавлявшему Коллегию иностранных дел. Полученное разрешение позволило опекунам отправить юношей для обучения в Лейденский университет, где Юсупов надеялся на содействие знакомого ему профессора Валькенара. Кстати, портреты племянников и их родителей бережно хранились Николаем Борисовичем... почему то, в его южном имении, слободе Ракитной! Я там был, но их не видел!

С сентября 1781 по ноябрь 1782 года князь Юсупов выполнял ответственное государственное задание, он готовил, сопровождал и участвовал в проведении визита графа и графини Северных в Европу. Под этим псевдонимом скрывались Великий князь Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна, дабы подчеркнуть частный, неофициальный характер поездки. Согласно предписанию, Юсупов встречал великокняжескую чету в Вене, откуда путешественники направились в Венецию, Падую, Феррару, Болонью и в март провели в Риме, где все жили в подготовленных Юсуповым номерах гостиницы «Город Лондон», расположенной на Испанской площади. В Италии князь представил чете Северных всех своих знакомых художников, скульпторов, которые были рады предоставить для покупок свои произведения. Он познакомил великого князя с Помпео Батони (1708–1787) – самым модным тогда живописцем, который написал портреты четы Северных. Оригинальные портреты, исполненные Батони, до 1941 года хранились в Гатчинском музее-дворце, сейчас они считаются утраченными во время Второй мировой войны. В мае-июне 1782 года великокняжеская чета находилась в Париже. В Шантильи принц Конде устроил им великолепный прием, где парк и дворец так понравились Павлу, что он попросил сделать ему альбом чертежей, по которым он позже в столь любимой ему Гатчине сделал нечто похожее. (Я там был и все видел в этой Гатчине, дворец, озера и всякие парковые затеи). Из Парижа путешественники направились в Брест, Фландрию, Брюссель, Антверпен, и через Вену вернулись в Петербург, где в Павловске для украшения дворца разместили многие свои художественные приобретения из Европы.

«Роль талантливого дипломата». В 1783 году началась дипломатическая карьера князя в ранге посланника. Екатерина Вторая подписала «Указ» Коллегии иностранных дел «О назначении камергера Двора Ея Величества Князя Н. Б. Юсупова чрезвычайным посланником и полномочным министром при королевском Сардинском дворе» в Турине. При дворе короля Сардинии Виктора-Амедея III по отзывам современников он проявил себя **«как человек ума тревожного и беспокойного, с характером интригана»**.

Некоторые русские путешественники, кому довелось повстречаться с Николаем Борисовичем в Италии, отмечали, что он даже, находясь за границей, вел свой привычный образ жизни – постоянно посещал оперу, концерты и балы. Также по словам современников, князь любил танцевать и считался прекрасным бальным танцором. Неудивительно, что и в Италии Николая Юсупова все время окружали самые красивые и интересные женщины. Темпераментные и свободные от предрассудков они с удовольствием нарушали приличия, а их мужья не забывали о щедрой княжеской благодарности. Он часто посещал Туринский двор, послушать

новую музыку, развеяться в приятном женском обществе, и выполнить тайно ответственные государственные задания. Самыми важными и серьезными оказались переговоры Юсупова с самим Папой Римским.

Пребывание Н. Б. Юсупова в Петербурге в доме на Английской набережной 26 вновь было кратким. В марте 1783 года он продает дом на Миллионной улице, перешедший к нему по завещанию сестры Евдокии, герцогини Курляндской, у которой он жил в Митаве вначале своего первого путешествия «за наукой» в Европу. Она позже в 1778 году развелась с мужем-герцогом Петром Бироном из-за отсутствия детей, вернулась в Петербург, купила дом на Миллионной улице № 22, «с фасадом украшенным мраморными колоннами и с портиком с хрустальными фонарями», построенным самим Антонио Ринальди, «но не была счастлива, и умерла от непомерного, неудовлетворенного честолюбия».

Покупает дом у Юсупова княгиня Екатерина Петровна Барятинская, рожденная принцесса Гольштейн-Бек (1750–1811), супруга (с 1767) князя Ивана Сергеевича Барятинского (1740–1811), фрейлина Екатерины II, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. Князя Барятинского хорошо знал Николай Борисович, тот был с 1773 по 1785 год – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Париже. Его пребывание на этом посту связано с периодом сближения Франции и России. Тогда говорили, что Великий Князь Павел Петрович был влюблен в Е. П. Барятинскую, а ее связь с графом Андреем Кирилловичем Разумовским (1752–1836) послужила причиной разрыва с мужем. Ну, а другую жену князя Барятинского мы хорошо знаем по его фамильной усадьбе «Марьино» в Курской губернии, но это уже совершенно другая история.

В 1784-ом году Николай Борисович посетил Ватикан и получил аудиенцию у Папы римского Пия III, чему предшествовала секретная инструкция от Екатерины Второй. На удивление всем, Папа принял Юсупова так великодушно, что даже разрешил князю устроить копирование лучших живописных украшений Ватикана. Копии исполнялись в 1778–1787 годах группой художников под руководством Христофора Уинтербергера (1731–1798), проявившего себя талантливым копиистом. Копии с Лоджий Рафаэля снимались на полотна и частями отправлялись в Петербург. Галерея, пристроенная к Эрмитажу в 1783–1792 годах Джакомо Кваренги, позволила точно воспроизвести ватиканскую, исполнив один из самых грандиозных художественных проектов русской императрицы.

В 1785 году из-за неподобающего его статусу поведения графа Андрея Разумовского при Дворе Неаполитанского короля, Николаю Борисовичу пришлось исправлять дело, добиваясь для реабилитации аудиенции у короля Фердинанда Первого и передавать самые искренние извинения царицы Екатерины Второй.

В Италии Николаю Борисовичу удалось собрать громадную коллекцию произведений искусства, он посещал мастерские практически всех известных художников и скульпторов, дружил с Антонио Кановой (1757–1822), который позже изваял ему из мрамора лучшие свои работы «Амур и Психея», «Гений смерти», которые хранятся ныне в Эрмитаже.

Повстречавший князя в 1785 году в Риме родственник С. Р. Воронцова, Василий Николаевич Зиновьев, член масонской ложи «Новый Израиль» и типичный дилетант в искусстве, не понимал и не принимал нового художественного вкуса. Он оставил в своем «Журнале путешествия» и свои впечатления о встрече с князем Юсуповым: «*Нашел наших двух министров здесь Юсупова и Разумовского (Андрея Кирилловича-посланника в Неаполе). Первый все таков же: покупает здесь картины весьма дурные, как мне кажется, разные инвенции шандалов делает (?), которые совсем татарского вкуса, занят маханьем здесь, как и в Турине, одним словом-все, тот же, как и был*». Маханьем в 18 веке называли ухаживание, волокитство и прелюбодеяние. Николай Борисович был известным женолюбом, и за ним это водилось, как отмечали современники, и в юности, и в глубокой старости.

В феврале 1787 года в жизни Николая Борисовича происходит важное событие, он получает первые награды – польские ордена Станислава Августа и Белого Орла, которыми его наградил король Станислав Август Понятовский – любовник Екатерины Второй и в последствии хороший друг нашего князя.

По возвращении в Россию, Николай Борисович становится заметнейшей фигурой уходящего десятилетия правления императрицы Екатерины Великой. Под руководством князя прошли все основные художественные заведения России, ему пришлось получить пост Президента Императорской Академии Художеств, а позже и начальником всех Императорских театров.

Мудрый и обаятельный князь всегда имел немало недоброжелателей и завистников, разумеется, о нем всегда ходили разнообразные слухи и сплетни. Среди всех можно выделить исторический анекдот, имеющий реальную основу.

Однажды Юсупов обедал с царицей и на обед подавали гуся. Екатерина спросила князя, припоминая его европейские привычки: *«Известно ли Вам князь, как следует разрезать столь важную птицу?»*

– Мне ли не знать, отвечал Николай Борисович с улыбкой и сарказмом на лице. – Эта птица в свое время дорого обоилась нашему роду, моему предку даже пришлось заплатить за нее половиной своего состояния! – Как так? – удивилась царица. – Как-то пригласил мой прадедуська Дмитрий Сеюшевич патриарха Иоакима на обед в постную пятницу на Страстной неделе и по незнанию подал на стол жареного гуся вместо рыбы. Патриарх, думая, что это была рыба искусно приготовленная, съел, похвалил гостеприимного хозяина, а потом, когда понял, что согрешил, рассказал обо всем царю. Царь Федор Алексеевич, это угощение от мусульманина воспринял как религиозное оскорбление и приказал забрать у прадедуськи половину его имущества. Только принятием Православия, после долгих раздумий, смог исправить Дмитрий Сеюшевич свою вину, и царь вернул ему отнятое.

Екатерина долго смеялась, выслушав эту старинную историю, после чего сказала с улыбкой: *«Ну, ничего, князь, у тебя и без того немало осталось. В случае чего и меня, и мое семейство прокормишь».*

В действительности финансовые дела князя в то время были запущены, по возвращении на Родину он уже не застал в живых тяжело болевшую мать, княгиню Ирину Михайловну. За пару месяцев до смерти, 20 января 1788 года, Ирина Михайловна написала и отправила Николаю Борисовичу последнее письмо, наполненное самыми теплыми словами и материнской любовью, а также гордостью за единственного сына, которого, как она предполагала ей больше не увидеть. Николай Борисович приказал каждый год в день памяти святой мученицы Ирины в приходском московском храме Трех Святителей у Красных ворот отмечать «День памяти Ея Сиятельства покойной княгини Ирины Михайловны» положенной заупокойной службой. Переехав позже в Москву, князь обязательно присутствовал на ежегодных панихидах по своим родным, точно следуя народной мудрости **«Живы родители – почитай, умерли – поминай!».**

В 1790-е годы произошел стремительный взлет карьеры Н. Б. Юсупова. Проявляя редкую трудоспособность и организаторский талант, он в полной мере демонстрирует преданность русскому престолу, как стареющей императрице Екатерине II, так и близкому ему императору Павлу I. Учитывая дружеские связи и государственные посты Юсупова, его следует назвать, прежде всего, человеком Павловской эпохи.

При коронации Павла I в 1797 году он впервые назначен верховным маршалом коронации, который пожаловал князя высшей наградой империи орденом святого апостола Андрея Первозванного. Во второй раз в 1801 году, при коронации Александра I, князь был пожалован алмазными знаками к ордену святого Андрея Первозванного, и в третий раз, в 1826 году при коронации Николая I. За бессрочное служение отечеству князь был награжден редчайшим знаком отличия – **эполетом, усыпанным жемчугом и бриллиантами.**

В октябре 1792 года Юсупов возглавил императорский Фарфоровый завод, который в скором времени прославил русское искусство и императорскую фамилию. Екатерина Великая ценила деловые и организаторские способности князя и просто забрасывала князя поручениями, то он решал проблемы шпалерного производства и театрального дела, то очередной курьер из Зимнего Дворца доставлял Юсупову еще один Высочайший Рескрипт: *«Купленный Нами у наследников покойного Князя Потемкина Таврического стеклянный завод поручаем Мы в управление Ваше и желаем, чтобы Вы употребили всемерное старание о приведении оного в цветущее состояние».*

«Жизнь в искусстве...», комплектуя царские художественные собрания, Юсупов, разумеется не забывал и о собственной коллекции, щедро оплачивая иногда и за свой счет европейские заказы. В 1797 году старый знакомый князя по Италии знаменитый скульптор Антонио Канова изваял для князя свой очередной шедевр, статую «Амур», которая была оплачена золотом, драгоценного металла было столько – сколько она реально весила! Архангельское до сих пор хранит два произведения талантливого скульптура из некогда большого собрания – это бюсты Париса и мадам Рекамье-хозяйки знаменитого светского салона в Париже, который часто посещал Юсупов.

В 1800 году венецианский торговец картинами и комиссионер Пьетро Конколо (1748–1810) привез из Италии партию картин для продажи их Императорскому Двору, но Павлу Первому они почему-то не понравились, и как следует догадаться двенадцать произведений искусства, приобрел Юсупов. Та партия антиквариата включала в себя два огромных полотна из шести картин знаменитого Джованни Батиста Тьеполо (1696–1770) «Встреча Антония и Клеопатры» (1747) и «Пир Клеопатры». Четыре вертикальные картины позже сторели, но два громадных горизонтальных полотна сохранились и до сих пор украшают Архангельское, периодически меняя места хранения. На полотнах представлена встреча Антония с Клеопатрой в Александрии в 34 году до н. э. после похода Антония в Армению, где он захватил в плен армянского царя Артавазда II, и пир Клеопатры в честь Антония, на котором царица растворяет драгоценную жемчужину.

«Влиянье красоты ты живо чувствуешь».

А. С. Пушкин

Юсупов был очень удачливый коллекционер, у него был дар чувствовать вещи, и они к нему сами «приходили». Так в Москве, уже будучи в преклонном возрасте, Николай Борисович, как говорится. «случайно» приобрел прекрасный мраморный бюст своего хорошего знакомого Вольтера, причем за минимальную цену.

В 1795 году, Екатерина Великая поручила ему возглавить Комитет «По расследованию следствия по делу о восстании в Польше». Николай Борисович рассматривал это поручение, как продолжение семейной «традиции» по расследованию всевозможных злоупотреблений и мздоимств.

«Тебе, князь, жениться пора!», сказала Екатерина Великая и искренне любившая и уважавшая князя решила устроить семейное счастье Николая Борисовича, которому в начале 1790-х годов уже было под сорок. Но не менее князя Юсупова Екатерина еще обожала племянниц светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического и пожелала выдать их всех замуж. Богатый и влиятельный дядя души не чаял в своих племянницах, воспитывал и баловал их, ну и по своим феодальным предрассудкам, он считал необходимым воспользоваться «правом первой ночи» с каждой из них, и как говорили злопыхатели, не только первой.

В 1793 году в возрасте 43-х лет Юсупов женился на младшей племяннице Потемкина, Татьяне Васильевне Энгельгардт (1769–1841), которой как раз и достался, по умозаключениям императрицы, лучший жених империи. Несмотря на пылкий нрав, перечить царице было не в правилах Юсупова, «себе дороже выйдет», к тому же, и невеста была вроде привлекательна, правда, у нее уже были двое детей от первого брака, но все перекрывало ее огромной приданое в двадцать миллионов рублей доставшееся ей в наследство от влиятельного дядюшки. Первый муж Татьяны Васильевны, Михаил Сергеевич Потемкин утонул в 1791 году, оставив ее с двумя детьми, дочерью Екатериной (1787–1872) и сыном Александром (1788–1872). Кроме того, Екатерина II, являясь в роли родственницы и свахи, подарила новобрачным еще «немного». Молодые сочетались браком в церкви Зимнего дворца, после чего они уехали на Фонтанку, в новый дворец князя, где и суждено было пройти первым годам их не слишком счастливого брака.

Князь Юсупов был и сам богат, ну а после женитьбы на несметно богатой племяннице Потемкина, он стал еще богаче. Современник князя отмечал. Что когда у него спрашивали: *«Что, князь, имеете ли Вы имение в такой-то губернии или уезде?»* – он отвечал: *«Не знаю, надо справиться в памятной книжке»*. Тотчас управляющий приносил ему памятную книжку, в которой по губерниям и уездам были расписаны все его имения, и почти всегда оказывалось, что у него там было имение. Богат ли был князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический? Об этом можно судить по тому, что по его смерти все его имущество перешло к племяннику и пяти племянницам: на долю каждой пришлось по 18 миллионов рублей, кроме недвижимых имений и движимости, стоившей еще много миллионов. Графиня Браницкая не знала в точности своего капитала, но говаривала: *«Мой капитал увеличился, и я думаю, что у меня должно быть миллионов двадцать восемь или немного более...»*

Супружеская жизнь и странное, постоянное всегда «в разъездах» времяпровождение княжеской четы Юсуповых провоцировало различные пересуды в свое время в светском обществе. У супругов было двое общих детей, один из них – Николай-умер еще во младенчестве, а в 1794 году родился еще один сын, Борис, крестник Великого князя Павла Петровича. Этот брак еще более укрепил положение князя среди высшей знати Российской Империи, но любви

во взаимоотношениях с женой не добавил. Потом после смерти Екатерины Второй они вообще разъехались, не стал князь жить с нелюбимой и навязанной женой, хотя оставался с ней в теплых и дружественных отношениях, когда приезжал из Москвы в Петербург, то всегда останавливался у нее в доме. Татьяна Васильевна Потемкина (Юсупова) в свою очередь, обладая недюжинной деловой хваткой, участвовала во многих хозяйственных делах и начинаниях супруга. Юсупов, обладая пылким нравом до последнего оставался самым преданным поклонником прекрасного пола, и так уж сложилось, что жить он привык свободно и вольготно, вероятно, он просто помнил совет Бомарше.

Долгое время Николай Борисович сожительствовал с певицей своего хора Анной Боруновой, портрет которой украшал один из залов дворца. Любовницей князя была юная крепостная балерина Екатерина Петровна Колосова, заслужившей право быть похороненной в родовой усыпальнице Юсуповых в Спасово-Котово. Екатерина Колосова умерла в 22 года во время очередных родов. Она родила князю двух сыновей, Сергея и Петра Николаевичей. Отец дал им фамилию Гирейские, очевидно в память о своих предках – крымских ханах Гиреях. Петр умер в семилетнем возрасте, а Сергей Николаевич прожил долгую безбедную жизнь за границей. Уже в престарелом возрасте князь взял к себе в наложницы 18-летнюю крепостную балерину Софью Малинкину.

Княгиня Т. В. Юсупова не избежала модного увлечения коллекционированием и на протяжении всей жизни собирала драгоценности.

В ее собрании были бриллиант «Полярная звезда» в 40 карат, алмаз «Альдебарант», огромный сапфир и жемчужина «Пелегрин» (Странница) величиной с грецкий орех в 33 карата, о котором следует сказать особо. В начале 17 века она принадлежала испанскому королю Филиппу IV, в 1666 году была подарена его дочери – инфанте Марии-Терезе по случаю ее свадьбы с королем Людовиком XIV. «Пелегрин» значилась среди драгоценностей французской короны вплоть до начала революции 1792 года. В 1826 году она была куплена в Москве Татьяной Васильевной. Юсуповы владели жемчужиной более 120 лет, она станет семейной реликвией, которую позже очень любила Зинаида Николаевна Юсупова, на многих портретах женщин рода Юсуповых эта жемчужина всегда присутствует. В мае 1957 года она была продана в Женеве, в Доме Кристи, анониму, говорят, что это был актер Ричард Бенсон, скупавший драгоценности для Элизабет Тейлор.

Кроме того, Юсупова владела множеством украшений, ранее принадлежавшим царственным особам: ожерельем с большой жемчужиной, купленной у испанского короля Филиппа IV, алмазной с жемчугом диадемой сестры Наполеона, королевы неаполитанской Каролины Мюрат, ожерельем из 42 черных жемчужин, бриллиантовыми серьгами Марии-Антуанетты. Собирала она резные камни, камеи и инталии с эмблемами и девизами, которых у нее было около 180. Такое собрание служило изысканным дополнением коллекций ее супруга. Татьяна Васильевна Юсупова вела довольно уединенный образ жизни, совершенно противоположный жизни супруга, любившего светские приемы, шумные празднества, театр, балы. Главным своим делом она считала воспитание детей. В то же время она была хозяйкой известного литературного салона, ее дом на Английской набережной 54 посещали Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, П. А. Вяземский, И. И. Козлов. Гаврила Романович Державин в 1804 году посвятил Татьяне Васильевне стихотворение «К Т. В. Ю.»:

*«Иных веселье убегают..., С Тобой живет оно всегда:
Где Сердце, ум, краса сияет, Мне там не скучно никогда.
Являя благородны чувства, не судишь слабостей людских,
Объяв науки и искусства, воспитываешь чад своих!».*

Удивительно, но даже смена монарха не оказала какого-то существенного изменения на положение и влияние князя при Дворе. Секрет «успеха» очень прост, князь Юсупов всегда много работал, регулярно покидал Петербург, занимался хозяйством и управлением своих земель и имений и старался не докучать императорской семье и лично Павлу Первому, но всегда оставался полезным и деятельным государственным чиновником, и приятным человеком в целом.

Во время пребывания в 1797 году в Петербурге бывшего польского короля Станислава Понятовского, амнистированного Павлом Первым, пригласившим посетить столицу, князь Юсупов стал сопровождающим своего старого знакомого, водил его в Эрмитаж, на шпалерные, зеркальные и фарфоровые мануфактуры, которые были под его управлением. В юсуповском архиве сохранилась короткая записка: **«Князь Николай Борисович, Извольте взять Эрмитаж в свое ведение. Павел».**

В 1799 году от Павла Первого Николай Борисович получил «право на родовое Командорство Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, то есть мальтийский орден, магистром которого был сам император».

Павел Первый очень благоволил князю Юсупову и рассердился на него всего только один раз, за несколько часов до своей ужасной кончины. Князь Николай Борисович был в числе гостей императора в Михайловском замке в ту ночь, когда Павел был убит. Вечер проходил весело, ничто не предвещало ночного кошмара, и вдруг царь нахмурился: он сосчитал своих гостей, а их оказалось числом 13! Император помрачнел и вышел из-за стола. В зале было

зеркало чудной работы, изготовленное на подмосковной фабрике князя Юсупова. В идеальной чистоте зеркале царь вдруг увидел свое искаженное изображение, и он отругал Юсупова, якобы за плохое качество изделия.

20 мая 1801 года указом императора Александра I Юсупов был назначен верховным маршалом предстоящей коронации и руководителем Коронационной комиссии, торжества проходили в Москве. «В самый день коронации ему были вручены алмазные знаки к ордену Св. Андрея Первозванного». Однако вскоре, как и многие придворные, входившие в ближайшее окружение императора Павла I, князь вышел в отставку по причине расстройства здоровья. К этому времени он имел чин действительного тайного советника, сенатора, был кавалером орденов Св. Владимира 1-й степени, св. Александра Невского, Св. Анны 1-й степени, Св. Иоанна Иерусалимского, Прусских Черного и Красного орла, Польских Св. Станислава и Белого орла. Современница князя Е. П. Янькова вспоминала, что *«он имел все российские ордена, портрет государя, алмазный шифр, и когда не знали уже, чем его наградить, то была ему пожалована одна жемчужная эполета»*. После выхода в отставку Юсупов начинает энергично заниматься обустройством своих имений и вотчин.

Тайна. До сих пор остается загадкой все, что связано с внезапным появлением в феврале 1799 года в московском доме двух детей – Бориса Николаевича и Елизаветы Николаевны Ракитяных, происхождение которых и их родство между собой не установлены.

Детей привезли из слободы Ракитной и по распоряжению князя, который в то время был в Петербурге, поселили в «верхних барских покоях». Их воспитанием и образованием Юсупов занимался лично, и они пользовались всеми преимуществами детей из дворянских фамилий.

В ноябре 1805 года после длительной «легочной болезни» Борис Николаевич умер. Для князя это был страшный удар, от которого он смог оправиться лишь несколько месяцев спустя. Примечательно, что еще летом, когда у мальчика только появились первые признаки заболевания и об этом дали знать князю, находившемуся в Ракитной, он тотчас прервал свою поездку и возвратился в Москву.

Елизавета Николаевна продолжала жить в юсуповском доме, проводя летние месяцы в Спасском или Ракитной. Она получила неплохое по тем временам образование и в июле 1810 года вышла замуж за дворянина коллежского регистратора Александра Ивановича Фон-Вахтена. Все расходы на свадебные приготовления были оплачены Московской домовою канцелярией князя Юсупова. Тогда же в июле состоялось юридическое оформление «Доверенности», выданной Юсуповым Фон-Вахтену на управление княжескими вотчинами в Тульской и Орловской губерниях (Степные вотчины) и было оформлено пожизненное ежегодное содержание Елизаветы Николаевны в размере одной тысячи рублей. В качестве свадебного подарка невесте «с приказания Его Сиятельства было положено в сохранную кассу на приращение из 5 % от имени коллежской регистраторши Елизаветы Фон-Вахтен 5000 рублей».

С благословения князя новобрачные поселились в господском доме в маленьком и живописном уездном городке Епифани Тульской области, недалеко от села Робе (Орловская губерния), где находилось правление Степных вотчин князя Юсупова.

До конца своих дней Юсупов продолжал заботиться о Елизавете Николаевне и ее четырех сыновьях, которым положил ежегодный «пансион» по сто рублей каждому (с 1821 года по 400 рублей). После его смерти заботу об этой семье взял на себя его сын князь Борис Николаевич Юсупов.

В немногих сохранившихся письмах Елизаветы Фон-Вахтен она называет Князя Юсупова «отцом родным». «родителем», а его московский дом, в котором прошли ее детство и юность, именуется не иначе, как «родительский дом» и «отеческий дом».

«Прекрасное Архангельское», – именно здесь торжество природы гармонично слилось с настоящим величием старой русской аристократии. Архангельскому было суждено стать достойным обрамлением для уникальных Юсуповых коллекций. Договорившись любовно

жить с нелюбимой женой раздельно, князь решает поселиться в Москве, оставив петербургские владения жене, а себе «для души» решил купить Архангельское у князей Голицыных. Сменив первую столицу России во вторую, князь Николай Борисович не мог не полюбить особый московский дух. Нравы хлебосольной и старомодной Москвы отличались от петербургских-все было гораздо проще! Необходимость в петербургской вежливой маске отпадала сама собой, и князь мог себе позволить язвить над простоватыми московскими нравами в Английском, но уже московском клубе на Тверской.

Приобретение Архангельского, по собственному мнению, князя, *«окончательно сделало его москвичом»*. В 1810 году он продал свой новый петербургский дворец на Садовой (Фонтанке) и переехал в Москву на ПМЖ-постоянное место жительства. В Архангельском в летнее время князя Юсупова обслуживал внушительный штат слуг, состоявший и 217 человек. В него входил и княжеский оркестр из 26 музыкантов, и крепостные танцовщицы, возрастом от 14 до 20 лет.

Вместе с Юсуповым в Архангельское прибывала часть его знаменитой библиотеки, которой на то момент заведовал француз Бенуа (интересно, что через сто с лишним лет имущество князей Юсуповых в их бывшем дворце на Мойке 94 в Ленинграде будет описывать тоже Бенуа, но только А. Н.), позже картины и скульптуры, короче «все, что было нажито непосильным трудом».

Мысли о создании полного каталога своего собрания посещали князя Юсупова постоянно. Первое собрание рисунков с картин коллекции, созданное еще до переезда в Москву в 1801 году и насчитывавшее не менее 143 изображений, явно устарело, и не отражало всего

состава значительно увеличившейся и изменившейся на протяжении последних двух десятилетий коллекции. В «Путеводителе по Москве», изданном в 1824 году де Лаво, и в 1829 году переведённом, «пересочинённым и дополненным» Сергеем Глинкой в 1829 году сообщалось что «описание его изящной картинной галереи включает четыреста картин».

Постепенно в новое имение потянулись и гости, когда князь обживался в Москве. Одним из первых восторженных поклонников Архангельского и его собраний стал знаменитый русский писатель Николай Михайлович Карамзин. Впервые он упомянул имение в 1803 году, а затем написал о нем в 1817 году в «Путешествии вокруг Москвы».

Одна из великолепнейших по собранию произведений искусств и литературы подмосковная усадьба «Архангельское» не подверглось разграблению французами в памятном 1812 году. Где был тогда ее владелец Князь Николай Борисович Юсупов? Князю было уже за 60, но он деятельно занимался проблемами доставки продовольствия русской армии и при вступлении захватчиков в Москву оказался отрезанным от города. Сохранилось письмо князя к великой княгине Екатерине Павловне в Ярославль, в котором Юсупов спрашивает о судьбе Москвы. Письмо это и ответ великой княгини позволяют полагать, что сам Николай Борисович находился в одном из ярославских своих имений, близ города Романова. 27 марта 1813 года князю написала письмо императрица Мария Федоровна: *«Меня уверили, что Архангельское не подверглось разорению, и я радовалась этому, зная это прекраснейшее место».*

По-видимому, приказ не трогать Архангельское, равно как и московский дом Юсупова у Харитонья в Огородниках **исходил от самого Наполеона**. В 1804 году Николай Борисович, находясь в Париже, встречался с императором Франции и произвел на того столь приятное впечатление, что Юсупову позволено было на всех театральные спектаклях находиться в императорской ложе. Однажды придверник ложи спросил Юсупова: **«Вы-король?»** – **«Нет, – ответил Николай Борисович. – я русский князь»** – и с почтительным поклоном ему была отворена дверь императорской ложи. При прощании в Париже Наполеон подарил князю Юсупову две фарфоровые вазы старой Севрской выделки. Эти вазы вместе с тремя гобеленовыми коврами, подарком короля Людовика XVIII-го, хранятся в Архангельском, которое после ухода французов все-таки немного пограбили собственные крестьяне.

14 мая 1818 года Архангельское посещают императрица Елизавета Алексеевна и вдовствующая императрица Мария Федоровна, а через месяц Юсупов устроил большой праздник в честь императора Александра I и короля Прусского Фридриха Вильгельма III и Великих князей. Именно, тогда возникла у князя традиция воздвигать памятные колонны на территории усадьбы в честь визитов сюда царственных особ. Из пяти мемориальных колонн, хранивших до середины 20 века в память о визитах в усадьбу российских государей, сохранились три: в честь императоров Александра I, Николая I и Александра III, стоявшие на оси Большого партера колонны Александра II и Николая II разрушены в 1930-е годы.

Как жил Николай Борисович в Москве, расставшись с женой? Современники говорят, что неплохо – **«в свою свободу и желания»**, он был освобожден от чопорности царского двора, придворного этикета и официального Петербурга, продолжал посещать уже московский Английский клуб, где за ним сохранялось всегда почетное место Председателя.

Француз Ж. Ф. Ансело, побывавший в Москве в 1826 году, подметил черты, отличающие московскую аристократию от европейской. Князь Юсупов для него – *«один из последних представителей старинной московской аристократии, чьи нравы и привычки он сохранил. Некогда близкий ко двору Екатерины Великой, он и ныне одевается по моде времен своей юности, но притом не отказался от вполне азиатского образа жизни, и мне кажется, что ему куда удобнее было бы носить восточный тюрбан, чем пудреную прическу, в былые времена изобретенную европейской цивилизацией. Каким только удовольствиям не предавался он за долгие годы сладострастной жизни; и теперь он еще содержит нечто вроде гарема из нескольких молоденьких девиц, которыми распоряжается как своей собственностью. В них ищет уже не*

наслаждений, но того животворного воздействия, какое оказывает на изношенный организм старика соприкосновение с юностью...».

«Европеизировано азиатская жизнь» (Ю. М. Лотман) усадьбы со множеством прислуги, находившейся в крепостной зависимости, с необычной на взгляд европейца архитектурой в восточном и древнерусском стиле, с наибольшей полнотой зримо воплощала мысли и чувства владельца, его духовный мир. Названия роц (Магометова, Борисова) и храмов (Екатерины II) именами людей, имеющих близкое отношение к владельцу, в юсуповской усадьбе, также, как и в усадьбе Надеждино его друга князя А. Б. Куракина, имели глубокий личный смысл. Как писал Куракин, *«эти названия вызывают у меня приятные и интересные воспоминания. Они обозначают природу чувств и имена людей, которые занимают мое сердце...».*

Существует много восторженных отзывов современников по поводу увиденного в Архангельском. Одно из них принадлежит крупному писателю и революционеру А. И. Герцену, «Я до сих пор люблю Архангельское. Посмотрите, как мил этот маленький клочок земли от Москвы-реки до дороги». Как в венецианском Палаццо Дожей приходит понимание всей мощи и силы

золотого века Венеции, так и в Архангельском чувствуется широкий размах старого барства, его тяготения к земным благам, его отчужденность от окружающей среды, его самовлюбленность и эгоизм, и над всем этим, словно венец, его тонкая эстетика.

«**Мой Юсупов...**». эта фраза принадлежит великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. А это надо полагать, дорогого стоит. Эти слова, написанные в письме, свидетельствуют о многом-и о поэте, и о екатерининском вельможе Российской империи, и об их дружеских отношениях. Далеко не каждый человек из ближайшего окружения поэта мог удостоиться столь сердечного обращения.

Известно, что Николай Борисович был посаженным отцом на свадьбе Пушкина и Натальи Гончаровой. Формально их знакомство произошло еще в 1801 году, когда Александру Сергеевичу было еще около трех лет от рождения, и его отец арендовал для проживания жилые постройки дворцового здания Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. Пушкины в течение года проживали в среднем доме усадьбы Николая Борисовича, после чего арендовали помещения рядом у графа А. Л. Санти.

Вернувшись из Михайловской ссылки, пережив исторический разговор в Кремле с императором Николаем Первым, Пушкин мог видеться с князем Юсуповым у общих знакомых и в Английском клубе. Они провели немало времени в беседах о «золотом веке Екатерины», старому князю было что рассказать, а поэт, который стал к началу 30-х годов 19 века неофициальным главой «русской партии» немало впитал для себя от гениального государственного деятеля уходящей эпохи. Дружба Пушкина и Юсупова не исчезла и после смерти, их соединил памятник великому русскому поэту, который установили в Архангельском. Опустел кабинет князя с картинами на стенах и бюстами Вольтера и свои собственным в почтенном возрасте в парадном костюме с орденами, как напоминание всем входящим сюда о бывшем владельце.

Для современников князя, владевших усадьбами, дворцово-парковые ансамбли становились своеобразным памятником – местом, сохраняющимся для потомства овеществленную память о них, как о личностях. Наверное, Юсупов повторил бы слова своего близкого друга князя А. Б. Куракина о его любимой усадьбе Надеждино: **«Если и не удастся мне сим домом пользоваться и в нем жить, пусть же останется он здешнему месту прочным украшением и памятником о мне!»**. Кстати, московский дворец Куракиных тоже находится рядом с Храмом Петра и Павла на Новой Басманной, в наше время он хорошо отреставрирован и сохранил фамильные гербы на фронтоне здания, а знаменитая Куракинская богадельня, потеряв во времени свою церковь с колокольней, превратилась в дом приемов московского правительства.

Николай Борисович прожил долгую жизнь и, надо сказать старел долго. Благодаря крепким нервам и известному равнодушию к мелочам князь пережил практически всех известных людей своей эпохи. Словно по счастливому сценарию, когда князь мог подумать, что познал в этом мире все, что хотел и, получив все то, о чем мечтал, Юсупов ушел из жизни с присущим ему равнодушием и величием, к зависти окружающих и любви обожающих его людей.

Вместе с кончиной Николая Борисовича закончилась целая эпоха. «Ох уж эта холера! Мой Юсупов умер». – с горечью написал А. С. Пушкин в письме П. А. Плетневу, узнав новость о смерти великого князя. Этой единственной строчкой великий русский поэт показал истинный и великий смысл большой потери для себя самого и для современников!

Юсупов намного пережил своих ровесников. Николай Борисович скончался 15 июля 1831 года в возрасте 80-ти лет и похоронен, согласно завещанию, рядом с матерью в своем подмосковном имении Спасское на реке Клязьме (сейчас город Долгопрудный). Ранее усадьба принадлежала матери князя, а дворец был возведен в начале 19 века на высоком берегу реки (1802–1803), возможно по проекту Франца Кампорези (1747–1831), соотечественника и друга Джакомо Кваренги, он не сохранился, вокруг был разбит регулярный парк. Ирина Михайловна провела в своей любимой усадьбе последние годы жизни. Церковь Спаса Нерукотворного в Спасском стала семейной усыпальницей. В ней были погребены: одна из сестер князя Анна, в замужестве Протасова (1772), и сама Ирина Михайловна (1788).

Согласно духовному завещанию, составленному Николаем Борисовичем 25 января 1831 года, все состояние переходило его сыну Борису с условием *«чтоб управление имением было под руководством и с советом супруги моей, а его матери княгини Татьяны Васильевны Юсуповой»*, единовременное вознаграждение получали его побочные дети-воспитанники: Алексей, Сергей и Мария Гирейские, Елизавета фон Вахтен, Мария Ришар. Не были забыты и крепостные, камердинер князя Григорий Бредихин с семьей получал вольную и 500 рублей; каждому из музыкантов по 500 рублей, а *«канцелярским служащим, архитектурным помощникам, живописцам...мастеровым и вообще всем дворовым людям в Московских домах служащим выдать не в зачет годовое жалование»*. Погребение свое князь просил сделать *«самое скромное без всякого излишества»* и *«на месте, где погребено будет тело мое, построить часовню»*.

Московское общество в полной мере осознавало огромную ценность художественных коллекций, собранных Н. Б. Юсуповым. В день смерти князя, 15 июля 1831 года, по распоряжению московского гражданского губернатора Н. А. Небольсина в Архангельском был опечатан дворец и все здания, *«чтоб ничто вывозимо не было»*.

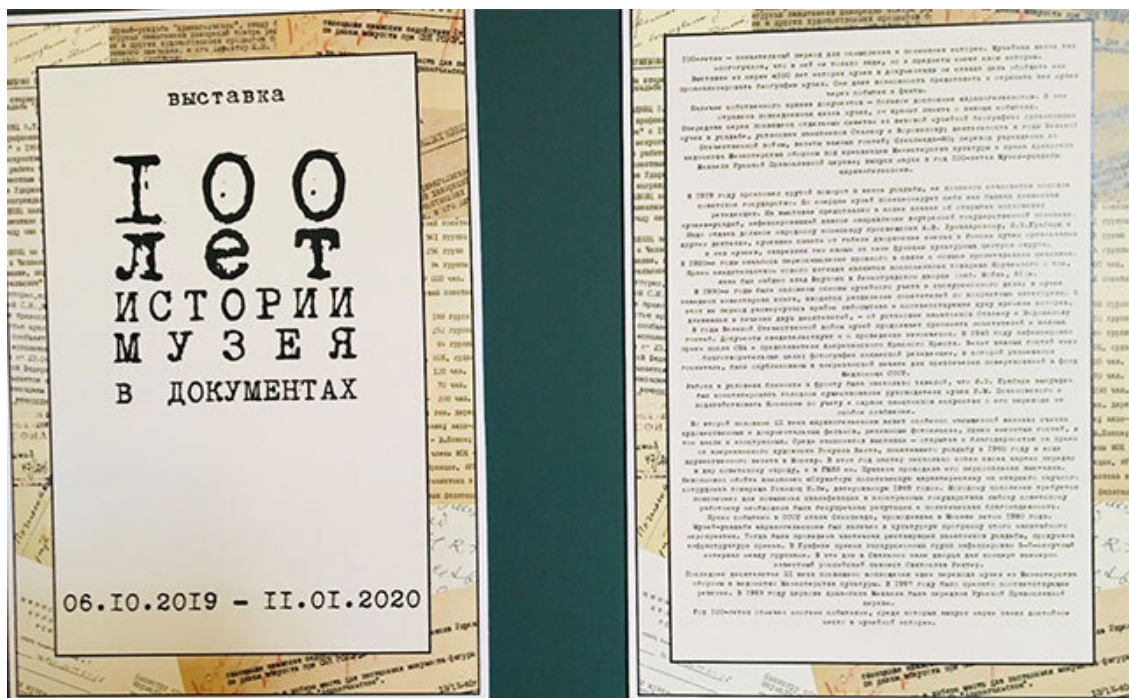
Кончина и похороны Н. Б. Юсупова подробно освещались в «Московских ведомостях». Отпевание усопшего состоялось 17 июля в церкви Трех святителей близ Красных ворот при большом стечении народа. Многолюдная процессия провожала **«тело всеми любимого и уважаемого вельможи»** до Бутырской заставы, где «внезапно поразило всех трогательное зрелище: собравшиеся там во множестве разных подведомственных Князю волостей казенные крестьяне и его собственные: с пламенным усердием, возложив на рамена свой гроб, вмещавший прах его, в безмолвии, с глубочайшим благоговением, как нечто священное, понесли в принадлежавшее Князю подмосковное село Спасское».

Гроб с телом Юсупова был перенесен в Спасское и поставлен в церкви. Погребение состоялось 27 июля, когда в Москву приехал из Петербурга сын князя Борис Николаевич. На погребении присутствовало более 70 человек, родственники, друзья, те, кому покровительствовал Николай Борисович. Во исполнение воли усопшего над его могилой по проекту В. Г. Дрегалова была возведена квадратная в плане часовня под куполом, пристроенная к алтарю северного придела Владимирской божьей матери церкви Спаса Нерукотворного (эта часовня под куполом сохранилась, и мы ее видели и наблюдали в наши приезды в Спасское.).

Д. И. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей русской земли» 1836 г. дает такую характеристику князя Н. Б. Юсупова: *«Он отличался просвещённым, умом своим, утонченным вкусом ко всему изящному, остротою, обходительностью, веселостию нрава, памятью обширною, любил ученых и художников и даже в старости маститой приносил дань удивления прекрасному полу»*.

100-летний юбилей Архангельского

Нет, конечно, самой усадьбе не 100 лет, а гораздо больше. В 2019 году отмечалось столетие создания Государственного музея-усадьбы Архангельское. Были закончены реставрационные работы в Большом дворце и на территории, проводились различные мероприятия, в обновленных залах размещались новые экспозиции с предметами привезенными из музеев Москвы и Петербурга, подготовлено уникальное издание «Семейный альбом» с редкими фотографиями семьи **Зинаиды Николаевны Юсуповой** – последней владелицы Архангельского, с предисловиями В. Н. Задорожного – директора Государственного музея-усадьбы Архангельское и Пьера Райнеро – директора по имиджу и наследию компании Cartier.

Я тоже решил присоединиться к праздничным мероприятиям, посетить в очередной раз усадьбу и посмотреть, что там изменилось или прибавилось нового, ведь реставрационные работы там ведутся постоянно.

В сентябре 2019 года выбрав свободный день поехал в Архангельское не по старой и знакомой дороге-«рублевке», а по новой трассе, через эстакаду на МКАДе. Припарковав машину на стоянке возле ворот с надписью: «Военный санаторий-Архангельское» и купив входные билеты, пошел парковой дорогой к дворцу поглядывая на знакомый спальный корпус слева. Прошел к Императорской аллее, откуда раньше приезжали гости с московской дороги прямо ко дворцу, эта перспектива стала стержнем всего ансамбля, обсаженная соснами, березами и елями, она подводит вас к массивной въездной арке Парадного двора, в проеме которой виден портик Большого дома.

Замкнутое пространство двора с красочной клумбой в центре опоясано мощными колоннадами и производит торжественное впечатление. Этот эффект прежде усиливался живописной декорацией на каменных стенах кулис, закрывающих фасады флигелей, изображенная здесь колоннада зрительно продолжала реальные колонны с виднеющимся позади парка. Летом ранее перед колоннами попарно устанавливали принесенные из оранжерей померанцевые деревья в кадках, а самое большое дерево размещали в центре. На этом месте в конце 19

века появилась скульптурная группа «Менелай с телом Патрокла» (копия с античного оригинала). В наши дни во время проведения джаз-фестиваля «Усадьба» все пространство заставлено стульями перед сценой у дворца.

Дворцовый комплекс состоит из Большого дома, двух флигелей (кстати в одном из них разместились новинка-Экспозиция старинных карет, экипажей и колясок с конюшенной утварью), колоннады и въездная арка – служат ядром всего ансамбля. Белокаменный портик с фронтоном, гладкие охристо-желтые стены с высокими окнами первого этажа, широкая полоса венчающего здание антаблемента, стройный бельведер с флагштоком делают главный фасад величественным. Въездная арка, соединяющая флигели, как замковый камень, поддерживает архитектурное единство Парадного двора. Возведенная вскоре после победы России в войне 1812 года она подобно триумфальной арке и по своему масштабу более подходит городу, нежели загородной усадьбе. Над архивольтами изображены летящие Славы. Решётки ворот с золоченой бронзой, ажурный рисунок которых восходит к стилю ампир, выполнены в 1896 г. по проекту архитектора Н. В. Султанова.

Дворец стоит на низком белокаменном цоколе, и лишь несколько широких ступеней отделяют его от зеленой глади газонов. Каскад террас спускается вниз к Москве-реке. Близость парка ощущается повсюду, а там, где нет прямой зрительной связи с ним, она создается иллюзорно, с помощью настенных росписей.

Место для разбивки парка было выбрано очень удачно и во многом облегчило задачу садового архитектора. Парк Архангельского рождался одновременно со строительством Большого дома, а после приобретения усадьбы Юсуповым постоянно совершенствовался. По своей композиции и гармонической красоте он почти безупречен и отражает вкусы разных эпох, влияние различных традиций. При этом перед нами – одно из лучших произведений садово-паркового искусства России конца 18 – начала 19 столетий.

Холм, на котором стоит дворец, еще в конце 18 века был превращен архитектором Джакомо Тромбаро в серию террас, подобным тем, что устраивали в итальянских садах 16 века. Основная же часть парка – это сеть аллей и проспектов со стриженными деревьями на боскетах и в шпалерах, многочисленные мраморные изваяния, оттеняющие своей белизной зелень живой архитектуры.

Верхняя терраса, лежащая перед Большим домом со стороны парка, по своей композиции напоминает Парадный двор, но по отделке ближе дворцовому интерьеру. Мраморные гермы, изображающие античных богов, четкими силуэтами выделяются на фоне темных стволов деревьев.

На балюстраде Верхней террасы расставлены мраморные вазы. Отсюда открывается живописный вид на Большой партер и Нижнюю террасу парка, охватывающую Верхнюю с трех сторон. Лестница, спускающаяся к Нижней террасе, имеет скульптурное оформление в виде женских фигур, львов и собак. Она приводит к небольшому фонтану «Амур с дельфинами» работы итальянского мастера Д. Джиромелло.

Сочетание строгих партеров регулярного парка с березами, елями и кустами сирени придает особую прелесть полянам Нижней террасы.

Войдя во дворец через задние двери со стороны флигелей, и предъявив входные билеты бдительным старушкам-билетершам, под их строгими взглядами надели тапки-бахилы на обувь. Проходим через застекленные двери в величественный Вестибюль, объединенный с парадным двором мотивом колоннады: высокие пилястры несут классический карниз, углы здания чуть закруглены, в полуциркульных каминных нишах – скульптурные группы «Амур и Психея» и «Кастор и Поллукс» (копии с античных оригиналов рубежа 18–19 вв.), стены украшает роспись в технике гризайль. Холодноватый, серебристо-серый колорит Вестибюля в сочетании с мрамором скульптур служат достойным вступлением в торжественную атмосферу

парадных залов. Вестибюль, Аванзал и Овальный зал составляют центральную анфиладу Большого дома.

В Аванзале две легкие деревянные лестницы поднимаются на второй этаж. Прямой связи с окружающим залом парком нет, но здесь она создается иллюзорно: настенная живопись на опорном столбе лестницы изображает парковую беседку.

Двухсветный Овальный зал – архитектурный и композиционный центр дворца. Мощные колонны искусственного мрамора поддерживают идущие по периметру залы, хоры и поднимающийся над ним высокий купол с полу циркульными арками. Свет, льющийся из застекленных дверей и окон за арками, теплый желтоватый тон колонн, золото с белым в росписи «кессонированного» купола, живописный плафон «Амур и Психея» Н. де Куртейля в его центре одухотворяют строгую архитектуру зала. Летом двери Овального зала распахивались в сад, объединяя пространство дворца и парка.

По обе стороны от Вестибюля и овального зала тянутся парадные покои: в северной анфиладе – парадная столовая и зал Тьеполо, в южной – Амуровая комната, Императорский зал, Салон, Парадная спальня, в западной – Антиковый зал и два зала Юбера Робера. В восточной анфиладе потолки ниже чем в парадных апартаментах – здесь существует встроенный антресольный этаж над кабинетом и спальней князя.

Архитектурное решение парадных залов просто, словно они специально предназначены для размещения произведений живописи, скульптуры, мебели, светильников, ваз. Посетитель, впервые попадающий во дворец, находясь в вестибюле или Овальном зале, не может даже представить, какие художественные сокровища ждут его в залах анфилад.

Плафоны парадных залов дворца после пожара 1820 года были украшены росписями орнаментального характера. В начале 20 века художники мастерской И. И. Нивинского произвели их поновление, а также исполнили в некоторых залах новые росписи стен в виде цветочных бордюров.

Поражает отделка парадной столовой; здесь роспись занимает всю высоту стен, ее охристо-розовый колорит насыщен. А изобразительные мотивы взяты из декорации египетских дворцов эпохи римского господства. Сквозь проем, соединяющую столовую с Буфетной, виден пейзаж, иллюзорно напоминающий о близости парка. К юбилею музея в залах разместили все экспонаты в том порядке, в котором они находились на старых фотографиях дворца более чем столетней давности, в зале Тьеполо я с удовлетворением отметил полотна с Клеопатрой, которые 10 леи назад наблюдал в запасниках Колоннады.

Пять комнат верхнего этажа при Н. Б. Юсупове занимала библиотека. Главную роль в их убранстве играли выполненные местными мастерами книжные шкафы красного дерева, кабинетная мебель, научные приборы, светильники, бюсты философов и писателей.

В дворцовый ансамбль органично входят Флигели. В Западном, где еще при Голицыных существовал домашний театр, Н. Б. Юсупов разместил часть картинной галереи и библиотеки, а сейчас разместилась выставка экипажей.

В восточном флигеле всегда размещалась дворцовая кухня и служебные помещения. Дворцовые колоннады служили переходами из основного здания во Флигели.

Выйдя после осмотра залов из дворца к террасам, наблюдаем перспективу Большого партера и спускаемся с Верхней террасы к Нижней. Эта лестница, ведущая со второй террасы к Большому партеру. По праву считается одним из лучших украшений парка в Архангельском. Ее марши расходятся в разные стороны, чтобы, дойдя до половины подпорной стены, повернуть навстречу друг другу и опуститься до земли. Скульптуры везде сопровождают человека, идущего по ступеням: бюсты Цезаря и Августа на парапете верхней площадки, соседствуют с мраморными львами, четыре аллегории Частей Света стоят на окаймляющем спуск широком барьере, парные «египетские» гермы словно охраняют вход в Грот со статуей Венеры Медицейской внутри.

Великолепен скульптурный декор монументальной подпорной стены (ее длина составляет 150 м) Нижней террасы: кажется, что многочисленные бюсты римских императоров, полководцев и мифологических героев повествует о древности рода владельцев имения. От декораций голицынского периода по ее краям стены сохранились небольшие руинные арки из «дикого камня», напоминающие о бренности мира, представленного «мраморными героями».

Парковая скульптура в Архангельском, выполненная в конце 18-начале 19 вв. насчитывает около 200 произведений и является уникальным собранием, равное которому трудно найти в нашей стране. Многие произведения созданы из мрамора, заказанного Н. Б. Юсуповым в Карраре, в московских мастерских С. П. Кампиони и братьев Трискорни в Санкт-Петербурге.

Одна из наиболее значительных частей парка – Большой партер. Масштаб этой пейзажной картины достоин быть сочинением лучших садовых архитекторов школы Ленстра. Огромный прямоугольник (240×70 м), окруженный зелеными шпалерами, изгибными аллеями и ритмично чередующимися мраморными статуями.

В 1819 году в западной части регулярного парка по проекту Е. Д. Тюриня был выстроен небольшой, похожий на античный **портик храм-памятник Екатерине II**. Императрица предстала здесь в облике древнеримской богини правосудия Фемиды. Статуя исполнена по модели скульптора М. И. Козловского. На стене позади фигуры – слова из поэмы великого поэта Возрождения Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»: **«Ты, которой послало небо и даровала судьба желать справедливого и достигнуть желаемого».**

В восточной части парка, близ Нижней террасы, находятся два самых поздних в Архангельском памятника. Бронзовая фигура юноши с угасающим факелом и отстраняющим лавровый венок – аллегория «Скорбящий гений», единственная в России работа немецкого мастера Карла Георга Барта (1860–1939), профессора из Мюнхена, демонстрировалась на выставках в Мюнхене (1905) и Берлине (1908), в том же году приобретена Юсуповыми и установленная здесь в 1908 году в **память о трагически прерванной жизни и неосуществленных надеждах старшего сына Зинаиды Николаевны Юсуповой – Николае.**

В аллее, украшенной бюстами античных богов и философов, – **памятник А. С. Пушкину**. Ансамбль Пушкинской аллеи был создан архитектором Н. В. Султановым в эпоху неоклассицизма и органично дополнил образ парадной части усадьбы. На пьедестале памятника – строфы поэта из «Послания к вельможе», посвященного поэтом Н. Б. Юсупову Старшему:

*«... увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец,
Ученой прихоти твоей повиновались*

И, вдохновенные, в волшебстве состязались».

В России тогда широко отмечалось 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Не могла остаться в стороне от этого события и семья Юсуповых, история которой была связана с жизнью и творчеством поэта. В собрании Юсуповых хранились автографы поэта. «27 бесценных пушкинских писем граф Ф. Ф. Сумароков-Эльстон получил по завещанию от внучки М. И. Кутузова, Екатерины Федоровны Тизенгаузен, будучи ее внуком, по одной из светских версий. Весной 1903 года при участии Султанова, члена Юбилейной Пушкинской комиссии, в парке Архангельского установили мраморный бюст А. С. Пушкина, изготовленный в мастерской М. Д. Кутырина. Тем самым владельцы увековечили также память о посещении Пушкиным Архангельского. По версии В. М. Симоновой, «идея установки памятника поэту в усадьбе Архангельское принадлежала князю Н. Б. Юсупову (мл.)», однако, как и другие начинания и замыслы отца, этот был осуществлен дочерью, Зинаидой Николаевной». На новый памятник в усадьбе обратил внимание В. А. Серов, работавший летом 1903 года в Архангельском: «Есть в саду же бюст Пушкина (неприятный, безвкусный). – писал он в письме к супруге 6 августа 1903 года, – на пьедестале стихи, посвященные предку Юсуповых, где говорится о благородной праздности (недурно) сего предка».

Известно, что весной и летом 1830 года Пушкин часто посещал князя Николая Борисовича Юсупова в его подмосковном имении Архангельское. «**Посланник молодой увенчанной жены**», наверняка много рассказывал поэту о своих путешествиях по Европе в молодые годы с письмами Екатерины Великой, рекомендующими его великим европейским умам того времени. В Лондоне он подружился с веселым автором «Севильского цирюльника». Пьер Огюстен Карон Бомарше был на 20 лет старше Юсупова, влюблен в герцогиню Дю Прева, а та предпочла юного русского князя. Бомарше потерял голову, хотел отравить Юсупова, всыпав ему в бокал вина яд; но вовремя одумался и покаялся своему русскому другу в безумном умысле. Видимо Юсупов рассказал об этом происшествии великому поэту. Через полгода в далеком нижегородском селе Болдино, 26 октября 1830 года, Пушкин напишет:

*«...Бомарше,
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро»...
Да! Бомарше ведь был тебе приятель...
Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?...
Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?»*

Известно, что князь Юсупов, состоявший главным управляющим московскими театрами, среди прочих авторов, досаждавших ему своими пьесами, отличал поручика лейб-гвардии егерского полка Дмитрия Николаевича Баркова. Тот неплохо переводил драмы, комедии, оперные либретто. Барков был членом литературного общества «Зеленая Лампа», на заседаниях которого обязан был давать отчеты о новых театральных постановках. Увлекался певицею из оперы Нимфодорой Семеновной Семеновой, сестрой знаменитой трагической актрисы Екатерины Семеновой. Пушкин, тоже член «Зеленой Лампы», написал тогда эпиграмму:

«Желал бы быть твоим,

*Семенова покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым,
Ах, он поручик! Ах, злодей!»*

Любопытно, что в 1827 году, просматривая альбом Анны Петровны Керн, Пушкин вновь вспомнил Д. Баркова и рассказал об этом Юсупову. Поэт забавлялся тем, что в альбоме этом стал переводить русские стихи на французский язык, а французские – на русский. А. П. Керн вспоминала: «Д. Н. Барков написал одни всем известные стихи не совсем правильно, и Пушкин, вместо перевода, написал следующее:

*«Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести,
И даже имени такого
Не смею громко произнести!»*

Пушкин сравнил здесь в шутку стихи Д. Н. Баркова со стихами его однофамильца, поэта 18 века И. С. Баркова, знаменитого автора непечатных матерных стихов, известных князю Юсупову.

Еще раз обойдя дворец, и пройдя мимо музейного магазина, бывшего ранее конторского служебного помещения я направился в западную часть парка к «Капризу», надеясь посетить его, но опять был разочарован, «Каприз» был еще закрыт, но скоро откроется, как гласила надпись на двери. Миниатюрный ансамбль «Каприз», состоявший еще при Н. А. Голицыне из жилого флигеля, примыкающей к нему Библиотеки и «собственного садика», украшенного клумбами и скульптурами. Свое происхождение ансамбль ведет от излюбленных восемнадцатым столетием уголков уединения – «эрмитажей». В 1819 году «Каприз» перестроили по проекту Е. Д. Тюриня, центральная часть вытянутого на 50 м здания стала двухэтажной, внутри расположились гостиные, бильярдная, кабинет, две спальни, девичья, кухня.

Но, неожиданно увидев в левом угловом флигеле небольшую очередь и подойдя поближе я увидел, что открылась небольшая выставка карет и упряжи, надо было только купить входной билет и надеть тапочки. Я тут же вспомнил, что и в Питере во дворце на Мойке тоже недавно открыли новую экспозицию в бывшем Конюшенном и каретном здании, где в советское время был клуб дзюдо. Как известно, уже в 1848 году в Архангельском, в помещении бывшей картинной галереи в западном дворцовом флигеле, появилась «Экипажная галерея», в которой было представлено десять старинных карет, доступных для обозрения. Каждая карета была снабжена деревянной табличкой с пояснительным текстом, присланным с особым донесением Канцелярии князя Н. Б. Юсупова Младшего. Например, «б) **карета Князя Николая Борисовича Юсупова, употреблявшаяся во время Коронования императора Павла Петровича**». Она сохранилась и до наших времен, а жемчужиной коллекции экипажей несомненно была **золоченая карета императрицы Екатерины Великой**.

В 1818 г. к приезду в Архангельское императора Александра I, Н. Б. Юсупов приготовил сюрприз: в Аполлоновой роще пейзажного парка был построен усадебный театр. Его автором стал знаменитый театральный декоратор Пьетро ди Гонзаго (1751–1831), старый знакомый Юсупова по Италии, он же создал и ансамбль живописных декораций для театра.

В день открытия театра в Архангельском спектакль состоял из смены трех живописных картин: «Занавес», «Богатый кабинет» и «Таверна». На сцене не было ни актеров, ни певцов, ни танцовщиков! «Чудные декорации Гонзаго, – писал М. Пыляев, – заставили зрителя забываться

и поражали удивительным соблюдением перспективы и необыкновенной прелестью композиции».

Но, увы, Театр Гонзаго был тоже сегодня закрыт! Расстроившись, я развернулся и пошел вдоль левой стороны Большого партера к Колоннаде.

Колоннада – это Храм-усыпальница рода Юсуповых, в котором никто не был похоронен. Замысел величественного мемориального сооружения в Архангельском возник в связи с трагическим событием в семье владельцев усадьбы – гибелью на дуэли старшего сына Зинаиды Николаевны и Феликса Феликсовича – Николая Феликсовича Юсупова (1883–1908). А также давним желанием собрать вместе прах всех Юсуповых с различных захоронений в Москве и Петербурге.

Для возведения храма-усыпальницы в честь святителя Николая был приглашен видный русский архитектор Р. И. Клейн (1858–1924). Весной 1909 года состоялась закладка фундамента, и уже через три года основная часть строительства была завершена, благодаря применению входившего в моду тогда бетону. Над скульптурным декором здания – лепными деталями и барельефами барабана купола – работали ученик и ассистент Клейна Г. Б. Бархин (1880–1969). Для росписи храма в 1913 году был приглашен И. И. Нивинский (1880–1933), живописец, театральный художник и признанный мастер монументально-декоративного искусства. Здание храма-усыпальницы, наиболее позднее по времени создания, умело включено в ансамбль, складывавшийся более двухсот лет. Благодаря высокому цоколю кубическое здание храма приподнято над поверхностью земли и устремлено ввысь: лестничные входы ведут к портику, мощные вертикали колонн поднимаются к фронтому, купол на массивном барабане победоносно венчает здание, его украшает скульптурный рельеф работы Григория Борисовича Бархина (1880–1969). Закругленные сквозные колоннады, как два крыла образуют площадку, напоминающую парадный зал в окружении деревьев.

Завершающий этап работ по созданию храма-усыпальницы был прерван первой мировой войной и революционными событиями в России. Храм-усыпальница так и не использовался по прямому назначению. В 1960-е – 1970-е гг. в Колоннаде проходили выставки произведений искусства из фондов музея, в наши дни в связи с реставрацией дворца здесь хранятся монументальные живописные полотна из юсуповского собрания, именно здесь я впервые и увидел гигантские полотна Тьеполо десять лет назад.

Полюбовавшись Колоннадой и пообедав «юсуповскими котлетками» в ресторане «Юсупов» рядом с ней, я решил спуститься к Москве-реке. Когда-то здесь на высоком берегу реки располагалось большое оранжерейное хозяйство в Архангельском, включавшее Лавровую и Лимонные оранжереи. Во время строительства двух корпусов военного санатория они были разрушены в 1930-е годы, также, как и «Римские ворота» – монументальная, словно ушедшая наполовину в землю, арка. С удивлением обнаружил, что корпуса санатория были закрыты и огорожены для ремонта, а я хотел было заглянуть в бильярдную, в которой десять лет назад сражался с господами офицерами в «московскую» пирамиду, а в холлах этажей мне тогда нравились различные картины «маслом» о сражениях Красной Армии. У левого здания на высоком берегу расположена ротонда, с которой открывается красивый вид на Москву-реку и окрестности, возможно на этом месте когда-то стоял павильон «Мекка» выстроенным в восточном стиле и не сохранившимся до наших дней.

Спустившись к реке, погулял вдоль берега, покормил кормом уток с деревянных причалов с удобными лавками для отдыхающих, посмотрел на противоположный остров Лохин, по которому бродил на лыжах когда-то, а на замерзавшей зимой реке помню устраивали каток.

Назад навверх возвращался по оврагу, ведущему к старому зданию Кладовой с аркой для прохода, рядом располагались Конторский флигель, Хлебный магазин, Дом для приезжающих, Богдельня и Больница для крестьян.

Повернув направо от «Кладовой над оврагом» сразу попадаешь к Святым воротам, построенным в 1824 году Е. Д. Тюриним. В проекте архитектора между колоннами, украшающими пилоны этой монументальной арки, стояли статуи святых, а над антиком возвышался Крест и фигуры ангелов.

Дорога через Святые ворота ведет к церкви Архангела Михаила. **Это самое древнее сооружение села Архангельского** – каменный храм, выстроенный в 1660-е годы и давший название имению. Его строительство приписывают крепостному каменным дел мастеру Павлу Сидоровичу Потехину. Стоящая на высоком берегу Москвы-реки, церковь Архангела Михаила издали видна при подъезде к усадьбе. Невысокая, без подклета, с крытой лемехом главкой-луковицей и двумя приделами – Николая Чудотворца и Иоанна Предтечи – она живописно выделяется на фоне соснового бора причудливой игрой архитектурных объемов. Внутренне убранство церкви просто и строго: побеленные стены и кирпичные, уложенные в «елку» полы, низкие с каменными связями своды.

В 1820 годы небольшой южный придел Иоанна Предтечи увеличили, а с западной стороны к церкви пристроили галерею. Колокольня сначала деревянная, а затем из камня была возведена к западу от храма. В 1826 году создание храмового комплекса было завершено строительством Глинобитной ограды с аркой посередине и деревянными башенками по сторонам. В 1934 году храм Архангела Михаила был закрыт, а его настоятель, Протоиерей Николай Виноградов, в 1938 году расстрелян. До 1964 года здание использовалось для нужд санатория, и только после научной реставрации ему был возвращен прежний облик. В июле 1994 года в храме возобновились службы, и ныне он находится в совместном пользовании музея и православной общины поселка Архангельское.

Зайдя на небольшую территорию вокруг храма, я увидел, что и он тоже закрыт строительной ограждающей сеткой, а на лесах рабочие покрывали листами яркой меди головки куполов. По узкой каменной дорожке можно было обойти вокруг храма и со стороны Москвы-реки, где находилась могила Татьяны Николаевны Юсуповой (14.02.1866–15.06.1888), родной сестры Зинаиды, умершей молодой, там я с удивлением обнаружил, что на могиле **стоит новая копия надгробной статуи девушки-ангела работы Марка Антокольского**, ранее в мои прошлые приезды сюда ее не было.

Необыкновенно красивы здесь летние вечера на высоком берегу старицы Москва-реки с видами на Лохин-остров.

После неожиданной кончины в 1888 году княжны Татьяны Николаевны Юсуповой ее захоронение расположили рядом с церковью Михаила Архангела. К стати обстоятельства ее смерти никогда не были раскрыты, и потомкам осталось несколько версий происшедшего.

По одной из них, тонкая артистическая натура, Татьяна Николаевна, проводя большую часть времени в Архангельском, летом 1888 года случайно утонула, во что трудно поверить, речка – эта быстрая, но мелкая. Сам проверял – купаясь в этих водах через сто лет, на стилизованном пляжике.

По другой, она умерла от тифа. Существовала еще третья, никогда не звучавшая в семье, но возникшая при вскрытии ее могилы большевиками во время революции. Местные жители утверждали, что в ее могиле были найдены еще останки младенца, что позволило им предположить, что это был ее ребенок. И возможно, она, не будучи замужем, умерла в родах. Тайна смерти девушки навсегда осталась нераскрытой, но после ее смерти пропали все страницы дневника Татьяны (*который она тщательно вела, будучи влюблена в некоего Павла*), относившиеся к последним месяцам ее жизни, как и ее фотографии. Остался лишь портрет Татьяны, хранившийся в кабинете ее сестры в Архангельском, и две фотографии: в детстве с Зинаидой и в Вене, незадолго до смерти, с отцом, сестрой и племянником Николаем.

А вот мы откопали во времени и пространстве редкую фотографию Татьяны, на ней видно – как она прекрасна и молода в своем юном очаровании, предстоящей любви и большой жизни. Но – не случилось, большой и долгой любви у юной княгини, а получилась **опять большая тайна семьи Юсуповых**.

Смерть эта тогда насторожила опять всю семью. Продолжало сбываться родовое проклятие, которое утверждало, что лишь один из наследников Юсуповых перешагнет 26-летний возраст. Княжна Зинаида оставалась единоличной наследницей колоссального состояния, но всегда помнила младшую сестру, о которой горевала даже в преклонном возрасте в эмиграции.

Это чувство – как будто она всегда рядом, иногда говорит со мной по ночам, советует что-то делать!

Ввиду того что разрешения на планируемую в то время перестройку храма не было получено, к десятилетию с года смерти Татьяны Николаевны решено было около храма сделать склеп. В 1896–1899 годах архитектор Н. В. Султанов занимался сооружением около южного фасада церкви склепа с захоронением княжны Т. Н. Юсуповой и постамента над ним для мраморной статуи «Ангел молитвы». Скульптура по заказу Юсуповых выполнялась Марком Матвеевичем Антокольским (1842–1902), членом Парижской академии, выдающимся мастером рубежа XIX–XX веков. Установленная около церкви на постаменте из белого мрамора, беломраморная скульптура в виде ангела, обнимающего крест, эффектно смотрелась на высоком берегу Москвы-реки, как бы возносясь над землей на фоне неба.

Из 100-летней истории музея, понятно, что начало музею в усадьбе было положено князем Н. Б. Юсуповым. Коллекции живописи, скульптуры, произведения декоративно-прикладного искусства, многотомная библиотека бережно сохранялись потомками князя. В 1900 году последняя владелица Архангельского Зинаида Николаевна Юсупова в своем Завещании писала: «... в случае внезапного прекращения рода... все наше движимое имущество, состоящее в коллекциях предметов изящных искусств, редкостей и драгоценностей, собранных нашими предками и нами... завещаем в собственность Государства в видах сохранения сих коллекций в пределах Империи для удовлетворения эстетических и научных потребностей Отечества...!».

Этот документ сыграл важную роль в сохранении коллекций. В годы революции бывшие служащие имения по собственной инициативе взяли усадьбу под опеку, добиваясь охранной грамоты от Военно-революционного комитета г. Москвы на дворец и его коллекции. 23 октября 1918 года вышел декрет «О национализации имений Архангельское, Останкино, Кусково», и 1 мая 1919 года музей в усадьбе открылся для посетителей.

Возвращаясь уже вечером от храма Архангела Михаила мимо Колоннады к выездным воротам и парковке, я оглянулся на Большой дворец, и подумал, что есть еще что посмотреть в следующий приезд сюда – «Каприз» и «Театр Гонзаго», и опять вспомнил, то время, когда я впервые прикоснулся к истории и красотах Архангельского.

В далекие студенческие времена конца 70-х годов прошлого столетия пришлось мне заведовать дискотекой Энергомашиностроительного факультета ХПИ (Харьковского политехнического института им. В. И. Ленина) и был «на факультете» первым ди-джемом, соревнуясь с местным ВИА-вокально-инструментальным ансамблем. Для своих шоу использовал модное тогда слайд-проектирование на экраны фото различных рок-звезд и сопутствующих тем. Для этой коллекции фотографировал звезд из западных музыкальных книг и журналов, собирал, менял и принимал для показа различные слайды от друзей и приятелей. И вот как-то готовясь к очередной дискотеке разбирая залежи слайдов, неожиданно обнаружил целую подборку из 20-ти пожелтевших слайдов с красивыми фото дворцов, парков, скульптур, картин. Не знаю, как они ко мне тогда попали, кто их принес, но помню, что я долго зачарованно вечерами в своей комнате общаги «Гигант» на Пушкинской улице города Харькова рассматривал в проектор магические фото многочисленных скульптур и дворцов на свежем воздухе. И, вот однажды на дискотеке, уступая многочисленным просьбам прекрасных дам поставить на «белый танец» – «медляк» группы «Eagles» нетленный хит «Hotel California», я вдруг «зарядил» в проектор эти слайды, и зал неожиданно – преобразился, под медленную музыку над головами танцующих пар в темноте зала поплыли на экране – прекрасные скульптуры, дворцы, картины, парки и природа. Все танцующие, а также не танцующие, но подпирающие спинами стены зала были очарованы такой красотой и довольны, от милых дам на следующих дискотеках не было отбоя с просьбами сделать «медляк», так как было в прошлый раз под **«под статуи»!** Хорошо, что мои старые пожелтевшие от частого употребления слайды были подписаны надписью – «Музей-

усадьба Архангельское» 1968 г., и я дал себе тогда слово, что обязательно побываю в этом месте. И видимо еще не раз...

А 03.06.2020 года пришло долгожданное известие, что все судебные тяжбы вокруг «прихваченных» земель Архангельского положительно решены в пользу усадьбы и теперь возникает возможность восстановить все другие исторические места и постройки, попадавшие ранее в зоны отчуждения в единое целое. А чуть ранее перешел опять в государственную собственность Юсуповский дворец в Большом Харитоньевском переулке, и он также войдет в единый комплекс музея-усадьбы Архангельское (городской дом и усадьба за городом).

Театр Наполеона. Большая Никитская 26

«Неподалеку от площади Никитских ворот на углу с Леонтьевским переулком находится пятиэтажный дом, лично переживший несколько драматичных страниц Российской истории. Это городская усадьба П. А. Позднякова-Юсуповых, более известная как дом Позднякова или Наполеоновский театр».

Сколько раз я проходил мимо этого здания, гуляя по центру на Тверском бульваре или посещая близлежащие театры. А вот теперь, благодаря тому, что начал писать о Юсуповых решил приехать сюда специально и сфотографировать это здание, в Москве и в мире бушует пандемия – Коронавирус-19, но вроде период самоизоляции по мнению московских властей заканчивается успешно и уже разрешено передвигаться на расстоянии социальной дистанции в общественном транспорте.

И вот в начале июля 2020 года, когда жара побивала очередные температурные рекорды я проехал на самом лучшем в мире московском Метро до центра-станции Пушкинская и пройдя немного по Тверскому бульвару свернул налево у Никитских ворот.

И очень удивился увиденному, свернув с Тверского бульвара налево, за знаменитым зданием ТАСС виднелся знакомый дом, но он был весь обтянут ремонтной камуфляжной сеткой. Вот дела!!! Помню раньше здесь на углу был магазин «Ковры», а еще раньше небезызвестный М. Ф. Казаков внес это здание в Альбом лучших партикулярных (частных) гражданских зданий Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.